

50 ЗНАМЕНИТЫХ

ЗАГАДОК СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

КЕМ БЫЛ КОРОЛЬ АРТУР? • «СТАРЕЦ ГОРЫ» И АССАСИНЫ •
ТАЙНЫ ТАМПЛИЕРОВ • «ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ» •
ТУРИНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА • ЗАГАДКА ОРЛЕАНСКОЙ ДЕВЫ •
НЕРАСКРЫТЫЕ ТАЙНЫ ОТКРЫТИЯ АМЕРИКИ

Мария Павловна Згурская
50 знаменитых загадок
Средневековья
Серия «100 знаменитых»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4572818

*50 знаменитых загадок Средневековья / авт.-сост. М. П. Згурская;
худож.-оформитель Е. А. Гугалова: Фолио; Харьков; 2018
ISBN 978-966-03-8263-3*

Аннотация

Средневековье в представлении современного человека зачастую ассоциируется с мрачным и жестоким временем. Между тем это ярчайший период в истории человечества, эпоха великих завоеваний и великих потрясений, которая хранит немало нераскрытых тайн. Кем на самом деле была Жанна д'Арк, ставшая ключевой фигурой в освобождении Франции? Где находилось таинственное восточное королевство пресвитера Иоанна? Существовало ли в действительности на Руси татаро-монгольское иго? Что происходило за стенами Запретного города в столице Поднебесной?.. Загадки, версии, гипотезы – их в книге достаточно, и это еще одна возможность лучше узнать историю Средневековья, самому разобраться в перипетиях далекой и загадочной эпохи.

Содержание

По странам и континентам	5
Средневековый бестиарий	5
Лапидарии: загадки драгоценных камней	28
Кем был король Артур и где был Камелот?	50
В поисках Святого Грааля	69
Таинственное восточное королевство Иоанна Пресвитера	83
Папесса Иоанна, или Шерше ля фам в Ватикане	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

50 знаменитых загадок Средневековья Автор-составитель Мария Згурская

Серия «100 знаменитых» основана в 2001 году

Автор-составитель

М. П. Згурская

Художник-оформитель

Е. А. Гугалова

В оформлении обложки использована картина Чарльза Эрнеста Батлера «Король Артур»

© М. П. Згурская, составление, 2008

© О. А. Гугалова, художественное оформление, 2018

© Издательство «Фолио», марка серии, 2001

По странам и континентам

Средневековый бестиарий

*Сон разума рождает чудовищ.
Франциско Гойя*

Странные, страшные, мистические и чудесные создания населяли мир средневекового человека. Жутковатые обитатели средневековых бестиариев. Уродливые фигуры, сидящие на карнизах соборов. Зловещие тени, прячущиеся в глубине церковных хоров. Вервольфы, оборотни, амфисбеи, василиски, химеры, мантикоры и единороги. В средневековой литературе различных жанров, бестиариях, энциклопедиях, в записках путешественников и миссионеров весьма часто описываются экзотические человекообразные и зооморфные существа. Они воспроизводятся в иконографии, скульптурах романских и готических соборов, книжных миниатюрах того времени. И сегодня о них написано множество художественных и даже научных книг, снято немало щекочущих нервы фильмов. Между тем факты из описанных как быль историй свидетельствуют о происшествиях, перед которыми многие из фильмов ужасов выглядят детскими сказками, рассказываемыми перед сном. На страницах по-

тускневших от времени летописей порой можно найти упоминания о многом, что кажется чудесным, невозможным и необъяснимым.

В изображении всяких загадочных и странных созданий проявилась существенная черта образа мышления Средневековья: его любовь к чудесному и фантастическому. Средневековое воображение заселяло чудовищами дальние и неизведанные территории. География химерического концентрировалась на Востоке. Обитая, вообще-то, по всему свету, чудовища явно предпочитали Индию и Эфиопию (сливавшиеся в воображении средневекового человека почти воедино). Индия вообще со времен Александра Македонского рисовалась страной чудес. Однако сама традиция не ограничивается средневековым периодом – ее истоки следует искать ранее. Своих чудовищ Средневековье унаследовало в основном от античности. Версии можно видеть на арабском Востоке (рассказы о Синдбаде-мореходе), в позднесредневековой живописи (полотна Босха и Брейгеля).

Уже древние греки сублимировали многие инстинктивные страхи в образах мифологических чудовищ – грифонов, сирен и т. д., но также рационализировали их вне религиозной сферы: античные писатели придумали расы чудовищных людей и животных, которыми они заселили далекий Восток. Геродот в своих «Историях» рассказывал о сатирах и кентаврах, о красных муравьях-золото-искателях исполинского размера, о змеях с крыльями летучих мышей и пр. В IV веке

до н. э. греческий писатель Ктесий Книдский описал сказочных чудовищ Индии. Около 300 года до н. э. другой грек – Мегасфен – собрал в трактате об Индии известные его времени сведения о чудовищах. В этих сочинениях впервые появляются описания диковинных народов и существ, которые потом будут так долго волновать воображение людей европейского Средневековья. Здесь и обитающие на Востоке безротые существа, питающиеся запахом жареной рыбы и цветочным ароматом (*леуманы*), и люди с длинными ушами и одним глазом, и люди с головой собаки, из пасти которых вместо человеческой речи вырывается собачий лай (*киноцефалы*). Средневековый человек не только не мыслил себя в отрыве от своих чудовищ – он даже признавал свое родство с ними. Было известно, что фавны – прямые потомки древних пастухов, а киноцефалы и вовсе наши братья по духу. Обсуждая с пресвитером Римбертом животрепещущий вопрос о том, стоит ли крестить псоголовых, монах Ратрамн приходит к выводу, что, конечно же, стоит: ведь они по всем приметам обладают мыслящей душой и представлениями о нравственности¹.

Сведения этих писателей почти полтора тысячелетия были единственным источником знаний об Индии и других азиатских странах. Их позаимствовали в I веке Страбон и Плиний Старший в качестве основы географических описа-

¹ «Послание о киноцефалах» от монаха Ратрамна к пресвитеру Римберту (VIII в.).

ний, а в III веке писатель Юлий Солин составил компиляцию из всех таких сочинений – «Собрание достопамятных вещей». В Средние века описаниям чудовищ были посвящены произведения специального жанра, так называемые бестиарии, повествующие о животных – вымышленных и реальных. Эти рассказы о чудовищах сопровождались толкованиями в духе христианской символики. Традиции античной «химерической» гибридизации в них иногда перекликаются с христианской догматикой. Например, трое из четырех евангелистов ассоциировались с животными: Иоанн – орел, Лука – бык и Марк – лев (символом Матфея был ангел). Заметим, что среди всех реальных животных наибольшую популярность в готических бестиариях имел лев. Образ этого существа некогда служил метафорой для восхваления ассирийских и персидских царей. Христианская церковь унаследовала эту традицию, отождествляя льва с Христом – «королем иудейским». Богословы сравнивали льва, который якобы заметал свои следы хвостом, со Спасителем, незримо странствующим среди людей. Считалось, что если львица родит мертвых львят, то через три дня к ним придет отец-лев и оживит их. Еще одним распространенным поверьем было то, что больной лев мог исцелиться, съев обезьяну (олицетворение зла в раннехристианском символизме). И наконец, люди полагали, что лев всегда спит с открытыми глазами, представляя собой образец бдительности и осторожности, – именно поэтому статуи львов охраняли памятники, могилы

и входы в церкви, а также удерживали в зубах дверные ручки-кольца. Однако готический лев также мог обозначать и нечто негативное. Так, если львиная голова украшала дверные пороги либо держала в зубах ягненка, такой «царь зверей» был воплощением дикой злобы (в определенных случаях – гордыни, одного из смертных грехов). Другие символические животные из готического бестиария – овен (пастырь, ведущий стадо), собака (преданность), лиса (хитрость, искусность, реже – смерть), обезьяны (грехопадение человека), коза (всеведение) и козел (плотский грех).

Описания животных черпались в основном из «Естественной истории» Плиния Старшего. Другой источник этих заимствований – возникший в Александрии во II веке «Физиолог», содержащий 49 рассказов об экзотических животных, деревьях, камнях и пр. В частности, эти сочинения были широко использованы Исидором Севильским в его «Этимологиях». В XII–XIII веках описания чудовищ становятся неотъемлемой частью энциклопедических трактатов (получавших название «Образ мира» или «Зерцало»). Цель подобных сочинений – воссоздать естественную историю мира со дня творения. В них включались специальные разделы о далеких странах, в частности об Индии, с соответствующими описаниями чудовищ. Так, например, разделы «О чудовищах» или «Об Индии и ее чудесах» можно найти у Рабана Мавра, Гонория Августодунского, Винцента из Бове, Альберта Великого, Гервасия Тильберийского, Варфоломея

Английского, Брунетто Латини и др. В эпоху крестовых походов хронист Фульхерий Шартрский и писатель Жак Витрийский увлекались описанием сказочных животных, которых крестоносцы не замедлили открыть в Святой земле. В литературе того времени можно ознакомиться с генеалогией монстров, их физиологией и анатомией, особенностями поведения, питания и размножения. Даются и практические советы: как правильно охотиться на чудовищ (хелка надо ловить, когда он спит, а убить можно не иначе, как разрубив ему голову) и как использовать различные части их тел (там, где будет сожжен клочок шерсти крохотного слона, никогда не появится дракон, а пепел оноса, смешанный с его же кровью, – эффективное средство от сумасшествия и камней в мочевом пузыре).

Например Борхес в своей «Книге вымышленных существ» писал: «По своему многообразию мир фантастических существ должен был бы превосходить реальный, ведь фантастическое чудовище – всего лишь комбинация элементов, встречающихся у живых существ, а количество таких комбинаций практически бесконечно. Мы могли бы произвести на свет бесчисленное множество существ, созданных из рыб, птиц и рептилий. Нас ограничивали бы только два чувства – пресыщение и отвращение. Общее число чудовищ велико, но подействовать на воображение могут совсем немногие. Фауна людской фантазии гораздо беднее фауны Божьего мира».

Сознание средневекового человека было населено многочисленными образами различных мистических созданий, якобы существующих абсолютно реально. Чего стоит, например, гуль – жуткая тварь с мерзкой внешностью и запахом, гробокопатель и пожиратель разлагающихся останков, не гнушавшийся, однако, и какой-нибудь свежатинкой, скажем, странниками из торгового каравана, забредшего в посещаемые гулями местности (некрополи и кладбища, руины, подземелья, лабиринты). В особенно больших количествах гулей можно встретить на местах схваток, недавних побоищ. Женская форма гуля способна принимать внешность прелестной девицы для того, чтобы без лишних хлопот приканчивать неосторожных. «Очаровательны» также гравейры с костяными гребнями на черепе, мощными зубами, которыми они дробят кости, и длинным тонким языком, чтобы вылизывать оттуда разложившийся мозг и жир.

А вот для особенных ценителей экзотики – скоффин, или кокатриксия, орниторептилия, то есть не пресмыкающееся, но и не птица. У него тело ящерицы, крылья нетопыря, а морда и нош, как у петуха. Ниже длинной шеи у него – кожистые бусины, огромные, в два раза превосходящие по размерам индюшачьи. В раскинутых крыльях в среднем больше четырех футов. Нападая, он атакует в прыжке, выставив когти, щелкая клювом, а также использует длинный хлыстообразный хвост, сбивая им с ног и орлиным клювом приканчивая жертву.

Диковинная живность в изобилии населяла сушу и море, воздух и огонь, поверхность земли и преисподнюю. Для средневекового человека, впрочем, саламандры и гарпии были ничуть не более вымышленными, чем крокодилы и гиппопотамы, с которыми они на страницах тогдашних трактатов и соседствуют. Люди же «черные телом, совсем как эфиопы», конечно, поражали воображение, но, в общем, были явлением одного порядка с панотиями (владельцами огромных, как одеяло, ушей), скиоподами и бамиями (у которых рот и глаза на груди), не говоря уже о давным-давно известных киноцефалах-песьеголовцах, – то есть чем-то совершенно естественным: живущими, как сказал монах Ратрамн, «на самом деле не вопреки законам природы, но выполняющими свое предназначение, ибо законы природы установлены Господом».

Вера в чудовищ оставалась чрезвычайно стойкой на протяжении всего Средневековья, поскольку велико было уважение к мудрости древних. Но с точки зрения христианства чудовища представляли собой загадку. Средневековый образ мира имел строго упорядоченный иерархический характер – мир мыслился Божьим творением, где все твари располагаются в символической иерархии. Чудовища занимают в этом универсальном миропорядке совершенно непонятное место, находясь за пределами упорядоченного мира. Над этой загадкой ломали голову многие Отцы церкви. Уже Августин утверждал, что чудовища – неотъемлемая часть твар-

ного мира и созданы Творцом не по ошибке. А вот Бернар Клервоский отказывался размышлять над этой проблемой, полагая, что творение Бога так велико, что его не может вместить ум человека. Оставляя в стороне острый вопрос о том, создал ли чудовищ Бог или дьявол, средневековые авторы предпринимали немало усилий для того, чтобы придать им христианский колорит и морально-религиозные истолкования.

На протяжении всего Средневековья отношение церкви к чудовищам было неоднозначным, оно колебалось между признанием их творениями Бога (некоторые, например киноцефалы, даже фигурируют в драмах литургических) и осуждением веры в них как языческого предрассудка. Античные химеры имели право вести в своем язычестве вполне хаотическое существование, но жизнь чудищ христианского мира была очень осмысленной: каждое что-нибудь символизировало. Стремясь вписать чудовищ в христианскую концепцию, их рассматривали как религиозные и моральные символы: великаны интерпретировались как воплощение гордыни, пигмеи – смирения, леуманы – монахов, киноцефалы – ссор; огромные чудовища были символом изобилия и т. д. Безносые люди обозначали «глупцов, лишенных носа разборчивости», а шестирукие жители Индии – «усердных, которые трудятся, чтобы обрести жизнь вечную». И даже бородатые женщины с «плоскими приплюснутыми головами» не оскорбляли взора, а напротив, символизировали

«людей добропорядочных, которых с прямого пути церковных предписаний не склонить ни любовью, ни ненавистью».

В списке наиболее часто упоминаемых средневековыми писателями чудовищ – единорог, свирепое и дикое животное, которое, по словам Ктесия Книдского, может приручить только непорочная дева (потому единорог рассматривался как символ чистоты и даже символ Христа). Ктесий, а вслед за ним и средневековые авторы сообщали, что в Индии из рога этого животного делали сосуды, которые разбивались, когда в них наливали отраву. Именно поэтому синьоры стремились заполнить рог единорога.

Впрочем, некоторые чудовища оставались лишь знаком экзотического мира, как, например, мантикора – животное с головой женщины, туловищем льва и хвостом скорпиона; у нее голубые глаза, три ряда длинных зубов и красный острый язык, используемый как жало. К такому же миру чистой экзотики относится сциапод – существо огромных размеров, укрывающееся в пустыне от жары в тени собственной единственной ноги: во время проливного дождя или под палящими лучами солнца он ложится на землю и поднимает вверх ногу, которая служит ему зонтиком. При помощи своей ноги сциапод может также быстро передвигаться.

Перечисление экзотических животных дополнял список чудовищных народов: макробы (исполинских размеров люди, ростом от 10 до 12 футов, отличающиеся необыкновенным долголетием), ихтиофаги (жители Центральной Азии,

питающиеся исключительно рыбой), аримаспы (человекообразные существа с вывороченными вовнутрь ступнями, имеющие по 8 или 16 пальцев на каждой ноге), левкокроты (существа, превосходящие всех остальных по скорости передвижения, имеющие тело осла, львиную грудь и огромную пасть до ушей, а голосом подражающие человеку), гиппоподы (существа с лошадиной ногой, также обладающие способностью очень быстро передвигаться) и т. д.

Описания этих чудовищ были частично заимствованы из античной традиции, частично возникли в лоне средневековой культуры. Постепенно в Средневековье сформировалась традиция считать, что все твари созданы по образу и подобию Бога, а все, что отдалается от божественного образа, чудовищно. Бытовало мнение, что чудовищное обличье макроров, ихтиофагов – отражение их душ, которых, видимо, не коснулось слово Божье, и потому они скорее принадлежат царству зла. Этот стереотип легко срабатывал в сознании путешественников, знакомившихся с неизвестными народами. Людям, посещавшим Центральную Азию, достаточно было лишь отметить такую черту азиатских народов, как привычка питаться змеями или черепахами, чтобы воспринимать их как чудовищ. Так возникают образы чудовищных народов в трактатах путешественников и миссионеров.

Со временем образы чудовищ проникают и в иконографическую традицию. Европейская церковная архитектура XII–XV веков породила немало странных существ, внешний вид

которых говорит о нездоровой, но, бесспорно, богатой фантазии древних зодчих. Эти каменные, металлические и деревянные чудовища являются теми немногими представителями средневекового зверинца несуществующих монстров, которые могут быть с полным правом названы готическими. Уже в X–XIII веках они изображаются на капителях и порталах романских соборов. Их можно видеть в скульптурном убранстве французских храмов в Везеле и Оне. На тимпане собора в Везеле изображено чудовище с огромными ушами; под изображением – новозаветная максима: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всякой твари» (Марк 16, 15). С осуждением отзывался о подобных изображениях знаменитый Бернар Клервоский: «Что означает это смешное уродство?.. эти нечестивые обезьяны... чудовищные кентавры, играющие на арфе ослы... существо с несколькими телами и одной головой... или существо с несколькими головами и одним телом... здесь четвероногое существо со змеиным хвостом... там рыба с хвостом четвероногого?..». Критика и явный интерес – видимо, такое двойственное отношение к изображению всяческих странных бестий характерно для средневековой церковной традиции в целом.

Кого же изображали чаще всего?

Наиболее популярными готическими монстрами являются горгульи (франц. *gargouille*, англ. *gargoyle* – от позднелатинского *gargulio* – глотка) и химеры. Их часто путают, называя горгулий химерами и наоборот. Различие между ними

весьма условно, однако оно скрывает в себе некоторые весьма любопытные секреты происхождения этих классических представителей готического бестиария.

Химера средневековых бестиариев – это не легендарное чудовище из древнегреческой мифологии, а скорее общеизвестный принцип создания фантастических существ путем соединения частей тела каких-либо несхожих животных в одно целое.

Самое известное упоминание о Химере содержится в шестой песне «Илиады». Там описывается огнедышащее существо – дочь Ехидны и Тифона, имевшее туловище козы, хвост змеи, а переднюю часть, как у льва.

О Химере говорится в седьмой песне «Энеиды» Вергилия. Комментатор Сервий Гонорат выдвинул гипотезу, согласно которой «химера» является метафорой, обозначающей одноименный вулкан в Ликийи: у его основания живут змеи, на склонах пасутся козы, а наверху горит огонь и, вероятно, имеется логово львов.

Готические химеры совершенно не похожи на свой многоликий древнегреческий прототип. Они приобрели всемирную известность благодаря статуям, изображающим человекообразные фигуры с крыльями летучих мышей, козлиными рожками или змеиными головами, лебедиными шеями или орлиными когтями, установленным у подножия башен собора Парижской Богоматери. Древние греки считали, что Химера вызывает штормы, всяческие опасности на земле и

на море. Средневековые архитекторы отошли от хтонической сущности этого чудовища, используя химеру в качестве аллегорического воплощения человеческих грехов (падшие души, которым был запрещен вход в церковь и которые были превращены в камень за все свои земные грехи). Слово «химера» употребляется также во многих европейских языках для обозначения ложной идеи, пустого вымысла, а также какого-либо фантастического существа-гибрида.

Готическая химера ничем не отличается от горгульи – это та же уродливая тварь с телом обезьяны (или человека-горбуна), козлиными рогами, крыльями летучей мыши и т. п. Разница заключалась в том, что горгулья представляла собой особый элемент архитектурного дизайна, призванный выполнять не только художественные, но и вполне бытовые функции. Горгульи прикрывают удлиненные водостоки готического собора (либо сами выступают в качестве таковых, выводя осадочную влагу из пасти, – вспомним латинскую этимологию слова «горгулья»), благодаря которым дождевая вода льется на землю на определенном расстоянии от фундамента здания и не подмывает его. Иначе говоря, горгульи – это дренаж, оформленный в виде какой-либо гротескной фигуры.

Несмотря на то что горгульи являются типичными готическими чудовищами, их собственное происхождение уходит корнями в глубь веков – к Древней Греции и Египту. Цивилизация Древнего Египта знала рекордное по тем време-

нам количество зооморфных богов, а египтяне были одними из первых народов, начавших активно применять образы подобных существ в живописи и архитектуре. Греческая мифология также активно эксплуатировала истории о различных гибридных созданиях (не имевших, в отличие от персонажей египетских верований, статуса высших божеств). О Химере было сказано выше, также здесь будет уместно вспомнить гарпий, кентавров и грифонов (грифов). Статуи последних украшали крыши греческих хранилищ и даже простых домов – ведь считалось, что грифы охраняют легендарное золото Зевса в Скифии (территория северного Причерноморья) от аримаспов – бойких одноглазых людей, постоянно пытавшихся украсть его.

Водосточные желоба как элемент устройства домов Древней Греции встречались нечасто, однако в том случае, если они выходили не по углам крыши, а под ней (в середине стены), тогда водосток оформлялся в виде каменной головы льва с распахнутой пастью (позже лев стал одной из составляющих образа горгульи). Это символизировало могущество Греции, защищало жителей дома от врагов и отпугивало злых духов.

С достаточной долей уверенности мы можем предположить, что первые горгульи (в их хрестоматийном варианте) появились к началу XII века.

В мире нет ни одной горгульи, которая была бы похожа на другую, – ведь скульпторы пользовались полной свободой

при выборе зоологических прообразов для изваяния очередного монстра. На протяжении всего готического периода истории европейской культуры облик горгулий был достаточно разнообразен. Первоначально они имели весьма скромные размеры, а в их внешности доминировали звериные черты. К XIII веку горгульи стали крупнее (до одного метра в длину) и человекообразнее. А XIV век ознаменовался для них увеличением числа мелких деталей – горгульи стали изящнее и легче, однако удельная доля гротеска и карикатурности в таких скульптурах заметно возросла. В XV веке горгульи потеряли часть своего демонизма, компенсировав эту утрату общей выразительностью мимики и большим разнообразием поз. Эволюция готического стиля в искусстве привела к тому, что горгульи постепенно выходили за рамки религиозной тематики и к XVI веку превратились в обычных каменных уродцев – отталкивающих, но уже почти не страшных для обывателя.

Существа же, не выполнявшие функции украшений водосточков, назывались химерами.

Достаточно обоснованными кажутся предположения, согласно которым горгульи, в соответствии со своим древнегреческим происхождением, выполняли обязанности по защите дома от злых духов. Это может объяснить их редкостную уродливость – каменные истуканы либо отпугивали силы тьмы, либо, возможно, заставляли их думать, что это здание уже занято другими адскими тварями.

Кроме того, Фрэнсис Блай Бонд – английский историк архитектуры – высказал предположение, что соборные горгульи могли быть своеобразными «слугами» церкви – дьявольскими созданиями, узревшими силу Господа и перешедшими на его сторону.

Существует интересная легенда о происхождении горгулий, сюжетным базисом для которой послужила практика использования этих монстров в готической архитектуре. Примерно в 600 году н. э. близ реки Сена поселился дракон по имени Ла Гаргуль. Он заглатывал целые суда, жег лес своим огненным дыханием и изрыгал столько воды, что ближайшие деревни гибли от наводнения. В конце концов жители Руана решили умиловить дракона при помощи ежегодных жертвоприношений. Хотя Ла Гаргуль, как и всякий другой дракон, предпочитал прекрасных девственниц, хитрые французы умудрялись заговаривать ему зубы и подсовывать преступников. Так продолжалось много лет, пока однажды в Руан не приехал священник Романус. Узнав о ненасытном драконе, священнослужитель заключил с руанцами сделку: за избавление от Ла Гаргуля они должны будут принять христианство и возвести в деревне церковь. Битва Романуса с драконом окончилась вполне успешно – при помощи святого креста священник поверг эту бестию на землю, а местные жители обложили тело дракона хворостом и сожгли. Однако шея и голова Ла Гаргуля не поддались пламени – ведь они были закалены его огненным дыханием. Через

некоторое время несторевающие останки чудовища были выставлены на крыше построенной церкви в память о славном подвиге Романуса.

В конце XII века изображение чудовищ становится излюбленным мотивом книжной миниатюры. В XII–XIII веках чудовищные народы и чудовища становятся объектом изображения на средневековых картах. Наиболее известна так называемая Герефордская карта последней четверти XIII века. Нарисованная разноцветными чернилами на пергаменте, она воспроизводила всю ойкумену в виде вписанных друг в друга символических фигур – пятиугольника, четырехугольника, треугольника и круга. Внутри этих фигур изображались известные тогда страны, города, моря, а также семь чудес света и фантастические народы. В строгом соответствии со сведениями античных и средневековых авторов, в Индии изображались пигмеи и великаны, леуманы, мантикоры и единороги; в Эфиопии – сатиры и фавны, муравьи – золотоискатели, сфинксы и другие чудовища, заселяющие окраину христианской ойкумены, были тщательно изображены и на знаменитой Эбсторфской карте.

Новую страницу истории представлений о чудовищах открыли путешествия и миссии францисканских и доминиканских монахов в Центральную Азию и на Дальний Восток (Гильом Рубрук, Плано Карпини, Марко Поло и др.). Впервые средневековые люди устанавливают непосредственные контакты с Востоком – страной чудес, где со времен Александра

Македонского никто из европейцев не бывал. В сочинениях путешественников и миссионеров подлинное восприятие Индии и других стран Востока смешивалось с фантазиями и рассказами о чудовищах и экзотических народах, известных из книг. В 1413 году бургундский герцог Жан Бесстрашный велел собрать самые популярные трактаты этих путешественников (Марко Поло и др.) и иллюстрации к ним в единый сборник, чтобы подарить его своему дяде герцогу Беррийскому. Сборник получил название «Книга чудес».

Традиция изображения чудовищ сохранилась и во времена позднего Средневековья в так называемой космографии, описаниях мира, подобных «Зерцалам» и «Образам мира» классического Средневековья. Например, «Послание о киноцефалах» от монаха Ратрамна к пресвитеру Римберту (VIII в.), «Книга о зверях и чудовищах» неизвестного автора, самые ранние списки которой относятся к IX веку; фундаментальный труд «О природе вещей» фламандского доминиканца Фомы из Кантимпрэ, анонимный трактат «О чудесах мира» (XIII в.); а также «Послание индийского царя Фарасмана императору Адриану», созданное на заре Средневековья и обраставшее причудливыми искажениями нескольких поколений переписчиков; энциклопедия Гонория Августодонского «Образ мира» (XII в.).

Среди книг позднего Средневековья наиболее известны «Книга природы» Конрада Мегенбергского (XV в.), сочинение Андре Теве «Достопримечательности антарктической

Франции», «Космография» Себастьяна Мюнстера (XVI в.). Все это сопровождается насыщенными экскурсами в культурную историю химерической фауны.

Миниатюры этих трактатов дают представление об экзотических народах и чудовищах, которыми Средневековые заселяло неизвестную ему часть ойкумены. Эти образы придавали еще большую устойчивость существовавшим стереотипам.

Насколько вымышлены эти мифические существа? Есть ли какая-то мало-мальски реальная почва для того, чтобы найти им место в истории? Как писали братья Стругацкие: «Миф – есть описание реального события, увиденного глазами дурака и дошедшее до нас в обработке поэта». Действительно, вполне возможно, что часть этого невероятного зоопарка имеет вполне естественно-научную родословную, но преломленную через воображение человека того времени, склонного к мистике и преувеличениям. Например, истории о вервольфах скорее всего имеют под собой вполне реальные основания. Десятки письменных свидетельств повествуют об отдельных случаях нападений, происшедших в XVIII–XIX веках, когда волки установили настоящий террор, перестав охотиться на домашний скот и принявшись за людей. Но ни одна из них не сравнится по жестокости с историей о гигантском волке, унесшем за два с лишним года более шестидесяти человеческих жизней. «Чудовище из Живодана», или «Адский лесной пес», – так окрестили его жители окрестных

деревень, и он вполне заслуживал свое прозвище.

Большинство людей, не видевших этого волка, приписывало эти нападения очень коварному оборотню; другие считали, что это какое-то иное свирепое животное. Стали возрождаться старые слухи и легенды о сверхъестественных существах, которые издавна обитали в местном фольклоре. Жители боялись показаться на улице в одиночку, а с наступлением темноты деревни превращались в осажденные крепости.

Что бы не являлось причиной, за этот период ужасной смертью погибло более шестидесяти человек и больше двух десятков жителей было искалечено или сильно изранено. В конце концов зверь был убит² и люди перестали погибать. Но кое-что в этой истории осталось неясным. Например, нападения осуществлял один зверь или их было несколько? Откуда у этого зверя, если во всем виноват он один, такая невероятная хитрость, и каким образом ему удавалось избегать всех ловушек, спастись от облав, проводившихся на больших территориях знаменитыми и опытными охотниками на волков? Почему, вернее даже ЗАЧЕМ он нападал на людей, хотя в лесу было много дичи? И был ли этот хищник **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** всего лишь волком?

Монстрами по средневековой традиции считались и вполне реальные биологические и медицинские аномалии. Этих

² В желудке огромного волка нашли фрагменты человеческих костей, так что это действительно был зверь-людоед.

«чудовищ» рассматривали как наказания за грехи, вводили в теологический и политический контекст. Появление на свет детей с врожденными аномалиями, безусловно, связывалось современниками с войнами и природными катаклизмами – и как предзнаменование, и как следствие.

Связь между чудовищной внешностью и чудовищным поведением пытались найти средневековые алхимики, медики и вообще «мужи науки». Эта проблема стала предметом изучения знаменитого французского хирурга Амбруаза Паре. Его перу принадлежит трактат о врожденных уродствах, который историк хирургии Ж.-Ф. Мальген называет одной из самых любопытных книг французского Ренессанса. В трактате «О монстрах» Паре сделал попытку свести воедино сведения обо всех известных ему природных аномалиях. Основную его часть составляют сведения о врожденных патологиях, которые Паре как врача интересовали в первую очередь. Но речь идет не только о человеческих патологиях: в разряд чудовищ у Паре попадают самые разноплановые явления – от сиамских близнецов до хамелеона, в разряд чудес – природные явления, такие как кометы, вулканы, землетрясения и др.

Весь собранный материал увязывается в несколько блоков: человеческие уродства; медицинские казусы; притворство и симуляция; бестиарий; метеорологические явления; демонология. Трактат делится на четыре части (человеческие и животные чудовища, как физические, так и мораль-

ные; летающие, земные, небесные). Но основное место в трактате занимает феномен врожденных патологий.

Называя монстров знаками грядущих несчастий, Паре не фокусируется на этом, ему это не интересно. Он также не задается целью дать строгое определение монстра. Подлинный интерес он проявляет к причинам их появления. Таких причин Паре называет 13: слава Господня; гнев Господень; чрезмерное количество семени; слишком малое количество семени; воображение; большая или малая величина матки; поза беременной; удары по животу беременной; наследственные болезни; порча или гниль (семени); смещение семени; действия злых нищих; демоны или дьяволы. Каждому описанному фактору соответствует определенный тип врожденной патологии.

Возникновение образов различных странных существ, чудовищ, мифических тварей и прочих аномальных явлений в античной и средневековой традиции объясняется, несомненно, психологической потребностью человека воплощать свои страхи в конкретных образах, чтобы от этих страхов освободиться. Представления о чудовищах тесно связаны и с представлениями о пространстве, и с иррациональными страхами человека перед незнакомым и недоступным. Чем дальше от знакомого мира, тем страшнее и фантастичнее выглядят чудовища.

Лапидарии: загадки драгоценных камней

*Он уже не рвался в краеугольные камни,
а довольствовался скромной ролью камня
преткновения.*

Феликс Кривин

Пожелтевшие страницы старинных пергаментов хранят множество тайн, загадок и аллегорий. Лапидарии, флорарии, бестиарии в идеальной библиотеке Средних веков стояли на почетном месте. Миниатюры, чьи краски не выцвели и по сей день, перемежались с описаниями далеких неведомых земель, рассуждениями о целебных или, наоборот, ядовитых свойствах, с представлениями «о природе вещей». Границы, определяющие специфику каждого жанра, были достаточно прозрачны, потому что сами представления о живом и неживом в средневековом сознании были определены весьма нечетко.

Но, говоря современным языком, бестиарии все-таки описывали в большей степени фауну, флорарии – флору, а лапидарии – все то, что относится к миру «неживой природы». Камни и то, что человек того времени причислял к ним (органические объекты, такие как кораллы, янтарь, продукты жизнедеятельности живых существ и прочее), безусловно,

занимало огромное место в различных областях его жизни. Они являлись и мерилom ценностей, и магическими амулетами, и украшениями, и медицинскими снадобьями, и ядами, и противоядиями... Мир камней для человека того времени был менее доступен для познания, чем мир растений и животных, и поэтому считался загадочным, таинственным и даже волшебным.

Необъективность знаний человека, несовершенство технологии и орудий обработки, сопротивление обрабатываемого материала – все эти трудности приводили к возникновению легенд и поверий о душе камней, их магических свойствах. Камень становится не просто ценностью или украшением: это уже амулет, талисман – охранитель владельца, помощник в делах, покровитель влюбленных, врачеватель больных. Нет практически ни одной древней цивилизации, которая бы избежала культа камней-талисманов. И нет ни одного народа, не создавшего поверий, связанных с камнями. Нет и религий, которые бы не использовали эти мифы в своих обрядах, ритуалах и таинствах. Осмысление сведений о камнях было ограничено теорией божественной сущности всего земного, отсутствие знаний и элементарной грамотности порождало путаницу минералогических, религиозных, суеверных и мистических представлений. Античные труды Теофраста, Плиния Старшего, Плиния Младшего, Витрувия насыщены поэтичными, но, увы, не всегда соответствующими истине рассуждениями. Средневековые лапидарии стали преемни-

ками античных традиций, но также внесли и свою долю в информационный хаос.

Наиболее древние упоминания о камнях содержатся в клинописных текстах Шумера и Вавилона. О каких камнях шла речь, точно определить удалось лишь в немногих случаях, и достоверным можно признать, что уже тогда человек выделял лазурит, нефрит и сердолик, которые считались камнями священными и помогающими в определенных ситуациях. Верования о камнях древних египтян известны детальнее благодаря обычаю мумифицирования умерших, при котором в одежды мумии вкладывались и каменные похоронные амулеты. Тексты, регламентирующие похоронные обряды, были канонизированы и сохранились в так называемой «Книге мертвых», в которой описаны камни для амулетов и их особые свойства. По сохранившимся каменным амулетам было установлено, что египтяне знали лазурит, сердолик и другие разновидности халцедона, бирюзу, яшму, малахит, горный хрусталь, полевые шпаты, обсидиан, янтарь и кварцит.

Пифагор (580–510 до н. э.), Платон (427–347 до н. э.) и Аристотель (384–322 до н. э.) упоминали о целебных или охранительных свойствах камней. Наиболее полный из дошедших до наших дней источник сведений о камнях, конечно, представлен «Естественной историей» Плиния Старшего (23–79 н. э.). В ней автор подробно излагал распространенные в его время представления о магических и целебных

свойствах камней, сопровождая описания комментариями скептического, а порой и саркастического характера. Александрийский ученый Плутарх (45—127 н. э.) составил свод сведений о камнях, их лечебных и магических свойствах. В это же время Диоскорид из Киликии, врач, написавший фармацевтический труд «О врачебном материале», кроме 600 растений описал и около 30 минералов, полезных, по его мнению, при изготовлении лекарственных смесей.

В древнейшем документе иудейской и христианской религий – Пятикнижии (древнейшей части Ветхого Завета) – описаны 12 камней нагрудника еврейских первосвященников, а в Новом Завете – 12 камней-оснований стены мифического города Нового (Небесного) Иерусалима, причем списки камней отличаются в 6 случаях из 12. В самой Библии нет точных указаний на магические свойства камней нагрудника, но толкователи и комментаторы Талмуда (развернутого комментария на Пятикнижие) создали целую теорию, посвященную подобным свойствам. Описание камней нагрудника еврейских первосвященников привел в своей книге «Иудейские древности» и современник Плиния и Плутарха римский историк Иосиф Флавий (37–95 или 100 н. э.). Сам он принадлежал к одной из знатных семей Иудеи, мог видеть эти камни до разрушения Иерусалимского храма римлянами в 70 году. Можно с уверенностью утверждать, что вера в особые свойства камней была распространена у всех народов Средиземноморья. Об этом говорят греческие авторы, хотя

они вряд ли знали священную книгу евреев, перевод которой на греческий язык был выполнен только в III веке до н. э. уже в Александрии Египетской (Септуагинта).

Большую популярность приобрело письмо епископа Саламина (на Кипре) Епифания (310–403) византийскому комментатору Библии Диодору, епископу Сицилии. Это письмо было названо «О двенадцати камнях» и содержало описание камней нагрудника. Полный греческий текст письма не сохранился, известны только его конспективные пересказы и переводы, сначала на коптский, латинский и сирийские языки, в X веке – на армянский и грузинский, а в XI веке – на болгарский и древнерусский. Наиболее полным считается грузинский извод (конспективный перевод) X века. В XIII веке новый перевод работы Епифания на армянский язык выполнил Мхитар Айриванеци, сопроводив описание камней указаниями их магических свойств, известных армянам его времени, что не всегда совпадало с представлениями Епифания.

Сочинения же европейских авторов о лечебных свойствах минералов представляли собой в основном комментарии к трудам античных писателей и врачей, прежде всего – Теофраста и Плиния. В Средние века сочинение Теофраста «О камнях» послужило основой для множества подражаний. Одним из основных источников сведений о лечебных и магических свойствах камней, наряду с античными сочинениями, был также обширный трактат Бируни «Собрание све-

дений для познания драгоценностей». Он содержит не только описания камней, но и связанные с ними предания. Целебным свойствам минералов уделено большое внимание в «Космографии» Аль-Кавзини (XIII в). Автор этого увлекательного сочинения рассуждает о лечении глаз свинцовым блеском, о пользе питья из хрусталя, о свойстве квасцов останавливать кровотечения, о сверлении камней в мочевых протоках с помощью алмазного сверла, о лечебных свойствах магнита. Уже в период позднего Средневековья «Космографию» сравнивали с «Естественной историей» Плиния, а Кавзини получил прозвище «восточный Плиний».

В 635 году епископ Севильи в Испании Исидор составил новое описание камней Библии, и именно на него ссылались вплоть до XII века, когда более популярными стали труды Марбода, а затем и Альфонсо X.

Большинство лапидариев основано на классическом труде – «Книге камней», написанной между 1067 и 1081 годами. Текст этого самого известного лапидария принадлежит перу епископа города Ренна в Бретани Марбоду (1035–1123). Он написан в виде дидактической поэмы о целебных и мистических свойствах камней. Епископ Марбод утверждал, что Господь наделил драгоценные камни даже большей силой, чем травы. Этот труд во многом продолжал традиции античных авторов. Каждая из 60 глав поэмы Марбода посвящена какому-либо драгоценному или полудрагоценному камню, минералу или «камню», образующемуся во внутренних ор-

ганах животных или птиц. Епископ Марбод описал 60 камней, но в настоящее время из них можно идентифицировать только 30. Исследования показали, что он пользовался книгами Иосифа Флавия и Плиния, также часто использовал материалы Исидора Севильского.

Лапидарий короля Кастилии Альфонсо X Ученого (1221–1284) был составлен как сводка известных к тому времени в Испании сведений о камнях, главным образом по арабским (мавританским) источникам, включавшим данные из сирийских (халдейских) оригинальных, а чаще компилятивных трудов. Это сочинение не получило широкого распространения в Европе, так как было написано на испанском языке, а не на латыни – языке ученых того времени (Альфонсо X обязал все общественные документы писать по-испански). Кроме того, названия камней во многих случаях были арабскими, непонятными для других европейцев, кроме испанцев, которые на протяжении почти шести столетий жили бок о бок с маврами.

На Руси знали западных авторов, и в составленный для киевского князя Святослава Изборник 1037 года вошли переводы работ Иосифа Флавия, Епифания, Георгия Амартола, Козьмы Индикоплова и других авторов, так или иначе касавшихся камней-самоцветов. Торговые связи с государствами Средней Азии, Закавказья и Иранского нагорья позволяли получать информацию из Бухары, Хорезма, Персии, Индии, Грузии и Армении. Так что наши предки были зна-

комы с представлениями о камнях.

В XI веке были созданы труды среднеазиатских ученых Бируни (Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни, 973 – около 1051) «Собрание сведений для познания драгоценностей» (1048) и Авиценны (Абу Али аль Хусейн ибн Абдаллах ибн аль-Хосан ибн Али ибн Сина, около 980 – 1037) «Канон врачебной науки». Любопытно, что выдающийся врач своего времени Авиценна говорил, что все камни чем-нибудь полезны, а математик и астроном Бируни ничего не принимал на веру и описания камней нередко заканчивал словами: «Опытom это не подтверждается» – или еще резче: «И нет конца этим бредням».

Аббатиса монастыря Хильдегарда из Бингена (1098–1179) изучала медицину и лечила больных по долгу христианского милосердия. Она знала Плиния, многое почерпнула у Константина Африканского (1020–1087), ученого монаха, переводившего на латинский язык труды корифеев арабской медицины, и у Марбода Реннского. Ею описаны 25 минералов, причем рекомендации всегда очень конкретны: камень нагреть и прикладывать к больному месту, или пить воду, в которой лежал нагретый камень, или часто и подолгу смотреть, например, на изумруд.

Минералы исследовал выдающийся европейский ученый Альберт Больштедский (1193–1280), и его труды, названные последователями «Большой Альберт» и «Малый Альберт», охотно цитировались авторами Средневековья. В сво-

их трактатах о минералах он подробно описывает тайные свойства камней, кое-какие из которых он сам проверил на опыте. В том же трактате он заявляет, что геммы с резными изображениями наделены мистической силой, особенно если они произведены самой природой, без вмешательства человека. Такие идеи вплотную подводят к практике изготовления талисманов – магических изображений, медалей и печатей, призванных защищать своего владельца. Ученые древности и Средневековья считали, что всеми своими чудесными достоинствами эти предметы обязаны влиянию звезд, ибо, «согласно Аристотелю, земными событиями управляют небесные тела».

В 1669 году в Амстердаме была издана на армянском языке «Книга историй» Аракела Таврижеци, настоятеля Эчмиадзинского монастыря. Эта книга содержала две рукописи неизвестных авторов, которые по всем признакам относились к X–XII векам и были посвящены верованиям о камнях, существовавшим в то время.

С развитием естественных наук книги о необычных свойствах камней стали считаться сборниками сказок и легенд, народных преданий и суеверий, недостойных внимания серьезных читателей, и лишь в конце XIX – начале XX веков стали появляться работы, посвященные этим страницам истории цивилизации. Большая сводка преданий и легенд о драгоценных камнях была опубликована нью-йоркским минералогом Дж. Ф. Кунцем в 1913 году (репринтно переиз-

дана в 1971 году), и в том же году обзор поверий о камнях сделал в своих лекциях пражский минералог профессор Карел Тучек. Исследователи предприняли серьезные попытки понять, какие же научные факты лежат в основе поэтической минералогии, существуют ли ответы на загадки, которые хранят старинные манускрипты, на страницах которых тесно переплелись правда и вымысел, факты и легенды.

Лапидарии как своды знаний о минералах хранили в себе самые разнообразные рассказы о чудесных свойствах камней, описания как реалистических, так и самых фантастических рецептов с применением камней в различных видах для лечения болезней и совершения всевозможных магических манипуляций. Вот что писал об изумруде Марбод Реннский:

Все, что зеленого есть, изумруд превосходит красою;
Видов двенадцать его, говорят, существует на свете.
Лучшая форма у тех, что имеют ровное тело:
Камень удобен такой, говорят, испытателям: таинств,
Если провидеть хотят и давать по воде предсказанья.
Множит сей камень богатства, нажитые благочестиво,
В случаях всех наделяя слова убеждающей силой:
Словно само красноречье находится в камне подобном.
Если подвешен на шею, смирит лихорадки свирепость,
Способом: тем: же лечить и падучей страдающих может,
Лечит лекарством зеленым поникшие в дряхлости узы,
И полагают, что он отвращает неистовство бури.
И сладострастия он, говорят, умеряет порывы.
Зелени большей он может достичь и красоты совершенной,

Если вином орошен и намазан: зеленой оливкой.

Часта в лапидариях антропоморфная тема: камни имеют «душу», испытывают эмоции. Есть сосуществующие и антагонистические камни – «дружественные», которые могут носиться одновременно одним человеком, и «враждующие», которые приводят при одновременном ношении к болезням, потере сна и прочим неприятностям. Камни, как люди, обладают характером и могут испытывать друг к другу приязнь или неприязнь.

Есть ли у подобных утверждений реальная основа? Скорее всего подобная постановка вопроса представляется лежащей в сугубо эстетической сфере, но нужно отдать должное наблюдательности авторов лапидариев. Действительно, если были использованы разные украшения одновременно, могут наблюдаться описываемые болезненные симптомы, но речь идет не о камнях, а о металлической основе – оправках украшений. Одновременное ношение золотых и серебряных или еще каких-либо разнометаллических вещей приводит к эффекту пусть слабого, но электролиза. А это у людей нервных, чувствительных и болезненных часто вызывает неприятные ощущения, вплоть до экземы и воспалений. Так, у одной женщины, много лет носившей серебряные сережки и затем сменившей их на золотые, мочки ушей начали гноиться – налицо электролитический эффект от взаимодействия золота и микрочастиц серебра, оставшихся в коже.

По мере совершенствования знаний о камнях, разработки новых видов огранки, облагораживания и окраски камней накапливались и суеверия, связанные с камнями. Ведь часто человек, будь то древний грек, средневековый европеец или современный американец, хочет иметь не просто красивую вещь, а амулет, талисман, нечто таинственное и могущественное.

Светские правители и князья церкви со страстью коллекционировали перстни, геммы, драгоценные камни. Естественно, с ростом этих коллекций ширилась молва о них, распространялись и всяческие легенды, крепили суеверия.

Считали, например, что перстень лидийского царя Гигеса мог сделать своего владельца невидимым. Осторожный английский король Иоанн Безземельный не расставался с перстнем, украшенным бирюзой. В те времена считали, что бирюза обнаруживает яды и предохраняет владельца от отравлений. Изумруды и сапфиры тоже нередко украшали золотую королевскую посуду, поскольку считалось, что они, как и бирюза, помогают обнаружить подсыпанный в пищу яд. Описывая обстоятельства смерти короля Иоанна Безземельного, английский историк XVI века Рафаэль Нолиншед упоминает о возникших у короля подозрениях, что поданные ему груши были отравлены, «поскольку его драгоценные камни тут же покрылись влагой».

В магической силе своих перстней уверяли окружающих, а может быть, и сами в это верили, французский король Фи-

липп Красивый, русский царь Иван Грозный, шотландская королева Мария Стюарт, писатели и поэты более поздних времен: Вальтер Скотт, Франсуа Рабле, Оскар Уайльд, Оноре де Бальзак, Александр Пушкин.

В лапидариях содержались сведения о разнообразных оккультных и астрологических потенциалах драгоценных камней, дошли отголоски этих знаний и до наших дней в виде всевозможных рассказов о камне – талисмане, имеющемся у каждого человека и зависящем от даты его рождения. Впервые месяц рождения связал с определенным камнем уже упоминавшийся епископ Севильи Исидор в 635 году. А к XIII веку обширная литература по магическим свойствам камней буквально захлестнула Европу. Святые отцы, пересчитывая и используя «практически» свои драгоценности и будучи в средневековой Европе единственными, по сути, носителями «книжного знания», не забывали также описывать действительные и мнимые свойства этих камней. Появляются книги на французском, английском, голландском, испанском, итальянском, латинском, немецком языках, а также переводы с арабского, персидского; пересказывают и записывают легенды, сказки и приметы на эту тему.

Химические и прочие свойства минералов объяснялись с позиции символического смысла. Природа вообще виделась средневековому человеку огромным хранилищем символов.

Жак Ле Гофф пишет: «У камней и цветов символический смысл совмещался с их благотворными или пагубными свой-

ствами».

Средневековая медицина была интереснейшим собранием разнородных сведений, свидетельствующих о том, что человек того времени был превосходным наблюдателем, истолковывал увиденное часто довольно своеобразно. Когда из наблюдений нужно было делать выводы, безудержная фантазия, одержимая желанием чуда, вела к поэтичным, но ложным умозаключениям. Тезис о том, что подобное нужно лечить подобным, приводил к весьма занятным казусам. Анемию («бледную немочь») лечили принятием внутрь растертого жемчуга или, видимо, по принципу «от противного», – рубинами, красной шпинелью.

Камням, найденным во внутренностях убитых зверей и птиц, традиционно также приписывали магические и целебные свойства. С помощью камня из желудка голубя рекомендовали лечить рак; камень, извлеченный из печени или желчного пузыря быка, растирали в порошок и применяли для лечения глазных болезней. В средневековой Европе, а также в эпоху Возрождения бытовало поверье, что камни из желудков или гнезд ласточек помогали при лечении эпилепсии; камень из сердца оленя – при лечении сердечных болезней и кровотечений; камень из головы дикобраза – от головной боли. Особенно ценился «драконовый камень», извлеченный из головы пресмыкающихся. Ему приписывали способность лечить проказу.

На картине великого Иеронима Босха (ок. 1460–1516)

«Операция глупости» бродячий медик извлекает из головы своего пациента якобы образовавшийся там «камень глупости». Отношение художника к такого рода трюкам отражено в различных символах: перевернутая воронка означает, что врач – шарлатан, книга на голове монахини олицетворяет показную мудрость странствующих проповедников, а тюльпан, извлеченный из головы несчастного больного, традиционно отождествлялся в Голландии с золотом. Выманить деньги – это и есть цель всей троицы проходимцев, которым удалось сбить с толку излишне доверчивого пациента.

«Камни» органического происхождения, по мнению многих авторов, могли использоваться в качестве противоядий. Их либо толкли в порошок, разводили водой и принимали внутрь, либо оправляли в золото и носили в перстне. Считалось, что от такого камня, опущенного в кубок с напитком, яд теряет силу. Самым распространенным талисманом от отравлений был безоаровый камень, который привозили из восточных стран. Само название безоара, как полагают, происходит либо от арабского «безодар» – ветер (то есть вещество, которое рассеивает силу яда подобно тому, как ветер разгоняет тучи), либо от персидского «падсарх» – противоядие. О происхождении безоара говорят легенды, одна из которых изложена арабским врачом XII века: «Самый лучший безоар образуется на Востоке вокруг глаз оленя. Большие олени в этих странах едят змей, чтобы становиться сильнее, и перед тем, как почувствовать себя дурно, спешат бро-

ситься в холодную воду, в которую погружаются с головой... Когда начинает течь из глаз, то эта влага, накапливаясь под веками, сгущается, застывает, плотнеет... становится твердой, как камень, и впоследствии, при помощи трения оле-ня о дерево или другой предмет, опадает. Этот-то безоар и есть наилучший и самый полезный в медицине». Безоар, который ценили дороже золота, в действительности извлекался из желудка жвачных животных. Постепенно любое похожее на камень противоядие стали называть безоаром.

Однако далеко не все «средневековые суеверия» заслуживают лишь иронии и забвения, даже если речь идет о таких, казалось бы, невероятных вещах, как использование безоара в качестве противоядия. Около тридцати лет назад американский химик Э. Бенсон, исследуя камни, извлеченные из желудка жвачных животных, предположил, что они действительно способны обезвреживать соединения мышьяка. Между фосфорно-кислыми солями, которые в большом количестве содержатся в камне, и ядовитыми соединениями трехвалентного мышьяка происходит реакция обмена: вместо соли мышьяка в раствор переходит безвредное соединение фосфора. Кроме того, пятивалентный мышьяк связывается в нетоксичный комплекс белковыми соединениями безоарового камня. Так что еще неизвестно, прав ли был Наполеон, когда велел бросить в огонь безоаров камень – подарок персидского шаха. Император не верил в «пустые суеверия».

Почему, изучая свойства безоара, Бенсон рассматривал

его взаимодействие именно с соединениями мышьяка? А потому, что это был один из самых известных и популярных минералов для «внутреннего употребления». Греки познакомились с мышьяком уже в IV веке до н. э. после походов Александра Македонского в Азию. Под названием «мышьяк» обычно подразумевают «белый мышьяк», или окись мышьяка. Диоскорид дал мышьяку название «арсеникон» (лат. «сильный»): врачи применяли его в малых дозах как сильнодействующее лекарство. В больших дозах он поражает внутренние органы человека, кровь, кожу и слизистые оболочки, при растворении не дает окраски и запаха. В Средние века европейским алхимикам были хорошо известны ядовитые свойства мышьяка. Со временем он вытеснил растительные яды и стал основой большинства ядовитых смесей.

Кстати, интересна разгадка роли столь любимой Иоанном Безземельным бирюзы как индикатора присутствия яда в жидкости или пище. Известно, что яркий голубой цвет бирюзы со временем становится более тусклым, как говорят ювелиры, бирюза «умирает». Современные ученые-химики установили причину такого явления. Бирюза – это сочетание водного фосфата меди и алюминия, со временем происходит процесс нарушения ее химической структуры и, следовательно, цвета. Бирюза довольно неустойчива химически, она легко впитывает жиры, поглощает влагу, под действием диоксида углерода (CO_2) воздуха постепенно теряет свой

небесно-голубой цвет и делается более зеленой. На солнце она медленно обесцвечивается, поэтому средний срок жизни камня не превышает двадцати лет. Некоторые химические вещества могут ускорять этот процесс, при этом они могут – по совместительству, так сказать, – быть ядами для человека.

Распространение ядов в эпоху позднего Средневековья, а потом и Возрождения сделало весьма актуальным изучение противоядий – антидотов. Во многих медицинских школах составлялись сборники лекарств и противоядий. Часто основой для них служил «Антидотарий» знаменитой медицинской школы в Салерно. Он содержал точные весовые прописи лекарств, впервые была введена весовая единица – гран, равная весу одного пшеничного зерна средней величины, а также другие единицы (скрупула, драхма, унция). Введение этих единиц позволило врачам более точно определить разовую, суточную и недельную дозы лекарств для изучения их фармакологического действия, а аптекарям ввести государственную таксу на лекарства.

Часто ядами становились и вполне химически нейтральные вещества, вопрос был в способе их применения. Например, весьма популярным рецептом от разнообразных хворей были толченые драгоценные камни, чаще всего изумруды и рубины.

Лапидарий короля Кастилии Альфонсо X называет рубин удаляющим печали и дающим радость. «Кто его носит, не будет испытывать огорчений, а если камень истолочь в поро-

шок и смешать с сердечным лекарством, то он будет очень эффективным для лечения воспалений и разрушения сгустков крови». Видимо, к лекарству рубин добавляли для усиления его кардиотонического действия.

Истолченный в порошок изумруд давали детям при туберкулезе легких (чахотке). Порошок, смешанный с медом, принимали кормящие матери в качестве лактогонного средства. Толченый изумруд принимали внутрь при укусе змей. Изумрудным порошком лечили также проказу, печеночные и желудочные болезни.

«Изумруд, помещенный в изголовие постели, излечивает от ипохондрии, предотвращает кошмары, успокаивает биение сердца, содействует успеху предприятия и рассеивает тоску. Изумруд не терпит нравственной нечистоты и лопается при удовлетворении преступных желаний. Толченый изумруд, принятый в питье, обезвреживает яд, колдовство и спасает ужаленных ядовитыми гадами, и положенный под язык, сообщает дар предсказания» (Альберт Великий. «Трактат о минералах»).

«Изумруд толчен и принять внутрь в питье весом против семью зерен ячменя, тогда от окорму смертного избавляет человека. Атце кто на изумруд часто зрит, тогда зрак человеческий укрепляет: и очи от прилучающихся недугов во здравии сохраняет и носящему его веселость наводит. Тот же камень, толчен в питии принят, пользует прокаженных и печени желудковым болезням помогает» (русский «Старин-

ный лечебник»).

Одна проблема: измельчать твердые горные породы в тех условиях было весьма сложной задачей. В полученном таким образом порошке практически всегда содержались микроскопические частицы, имеющие форму игл и острых пластинок. Эти частицы легко травмировали желудочно-кишечный тракт, вызывая внутренние кровотечения, застревали в нем и не сразу выводились.

С лекарством из толченых изумрудов связана история о сбывшемся проклятии Великого магистра ордена тамплиеров Жака де Моле. Король Филипп Красивый уничтожил орден рыцарей Храма, предал пыткам и казням рыцарей-«отступников». Жак де Моле и приор Нормандии Жоффруа де Шарне были заживо сожжены в Париже, на Еврейском острове. В последний момент, когда пламя уже охватило тело, де Моле указал в сторону дворца и крикнул:

– Папа Климент! Король Филипп! Гийом де Ногарэ! Не пройдет и года, как я призову вас на суд Божий! Проклинаю вас! Проклятие на ваш род до тринадцатого колена!..

Предсмертное предсказание Жака де Моле осуществилось, и довольно скоро: через месяц после аутодафе на Еврейском острове, 20 апреля 1314 года папа Климент V умер от внезапного приступа острой кишечной инфекции. Еще через месяц в страшных муках скончался канцлер Ногарэ. А в конце того же года, 29 ноября, неожиданно умер король Филипп, всегда отличавшийся завидным здоровьем. Было

ли причиной скоропостижной гибели трех главных виновников крушения ордена Храма проклятие Великого магистра, или, как считают некоторые историки, к их скорой и загадочной смерти приложили руку тайные агенты тамплиеров, весьма сведущие в восточных ядах? Но точно известно, что Климента V в могилу свело «действенное» лекарство из толченых изумрудов из рук лучших врачей, которое давали ему, следуя самым передовым методикам того времени.

Кстати, нужно еще иметь в виду, что изумруды, горный хрусталь, кварц, аметист и некоторые другие минералы – это диоксиды кремния. Они практически нерастворимы в любых жидкостях организма. И даже неострые частицы могут стать центрами-затравками, на которых будут нарастать камни желчного пузыря и почек.

Несмотря на пагубные свойства изумрудов (и их собратьев) как лекарства «вовнутрь», эти суеверия стойко держались, и от них часто зависела мода на изумруды.

Убеждение, что драгоценный камень – вернейшее средство от отравления, – скорее заблуждение, в основе которого лежит громадный авторитет редкого и ценного (раз он стоит так дорого, значит обязан быть полезным) камня, десятки легенд, сказок, фантастических преданий. Лечебные свойства сверкающих кристаллов ничем пока не подтверждены.

Однако русский ученый К. П. Патканов (1833–1889), переведший и издавший со своими комментариями книгу армянского историка XVI века Аракела Таврижеци (Таври-

ческого), пишет: «При лечении болезней нравственного и нервного характера, на которые воображение имеет сильное влияние, драгоценные камни играли важную роль; объявляя больному, что изумруд, повешенный у изголовья, разгоняет гипохондрию, худые сны, утишает биение сердца, рассеивает тоску и прочее, врач мог рассчитывать на полный успех, имея в виду веру больного в действенность средства». Что это, как не психотерапия?

Кем был король Артур и где был Камелот?

Король Артур – одна из самых знаменитых фигур в литературе Средневековья. Его прославляли в романах и хрониках, в стихах и прозе на всех основных европейских языках. В памяти человечества существуют три короля Артура – Артур исторический, Артур легенд и Артур рыцарских романов, причем один образ плавно перетекает в другой. Поэтому отделить историческую правду от вымысла довольно трудно, учитывая древность сказаний, первые из которых появились еще в VI веке н. э. Эти века не случайно овеяны фантастическими историями о великом короле Артуре и его знаменитых рыцарях Круглого стола, совершивших массу невероятных подвигов.

К началу III века римляне завоевали Британские острова и владели ими до начала V столетия. Когда Англия была завоевана римлянами, там прекратились междоусобицы, были проложены дороги, звать стала перенимать «римский стиль». Англия была защищена от набегов пиктов – обитателей Шотландии – огромным валом, построенным императором Адрианом. Но на европейском континенте нарастал натиск варварских племен, и Римская империя слабела, ей уже было не до провинций. Риму угрожали орды готтов, и римляне покинули колонию. В 410 году император Гонорий

отозвал из Британии римские войска, предоставив возможность коренному населению самому строить свою жизнь. Не прошло и полувека, как на Британию обрушились племена саксов. Тогда племена бриттов и остатки потомков римлян объединились и начали борьбу с завоевателями. Хотя они и нанесли им ряд поражений, к 1600 году завоевание основной части острова саксами было завершено. К этим временам и восходит история короля Артура, который и стал героем, ведущим эту борьбу.

Согласно преданию, кельты снова стали враждовать между собой – королевства, образовавшиеся после ухода римлян, не хотели уступать друг другу. Одним из этих королевств правил Утер Пендрашн. Он совратил жену одного из соперников – красавицу Игрейну. От этого союза родился Артур, которого воспитывал маг Мерлин. Подросший Артур узнал, что в его жилах течет королевская кровь, – благодаря волшебному мечу Эскалибуру, который ему удалось вытащить из скалы. Артур покончил с междоусобицами, объединил английские земли и изгнал саксонских завоевателей. Вместе с женой Гиневрой, гласит легенда, он правил, живя в красивом городе с названием Камелот. Там, во дворце, за большим круглым столом собирались его верные рыцари...

Историческим прототипом легендарного монарха послужил, по-видимому, военный вождь бриттов, живший в конце V века и возглавивший их борьбу против саксов. Он дал несколько крупных сражений, завершившихся ок. 500 года

победой при горе Бадон на юге Британии. И хотя в конце концов саксы одержали верх, слава Артура не померкла.

Это поэтичное сказание с приходом на кельтские земли христианства обросло нравоучениями, но дух волшебства сохранился и дошел до нас благодаря средневековым авторам.

Первым упомянул о короле Артуре валлийский монах Ненний в «Истории бриттов» (826). Воспользовавшись древним повествованием, он рассказал следующее: Артур был полководцем, выбранным королями, ибо они не хотели, чтобы эта роль досталась кому-то одному из них. Ненний приводит в главе 56 список двенадцати побед Артура над саксами, а в главе 67 два британских «дива дивных» связаны с Артуром – свидетельство того, что местные легенды в это время уже ассоциировались с его именем. Другая латинская хроника, созданная в Уэльсе ок. 955 года, «Анналы Камбрии», упоминает не только победу у Бадона, но и битву при Камбланне в 529 году, в которой пали Артур и Модред, его племянник.

В ранней валлийской литературе Артур выступает в совсем другом качестве – мифическом и сказочно-авантюрном. В поэме «Добыча Анвинна» (X в.) он ведет отряд на штурм крепости Ан-винн (она же – загробный мир кельтов) с гибельным намерением завладеть магическими талисманами.

Таким образом, документы, отразившие раннюю стадию

легенды, имеют валлийское происхождение. Но слава Артура выходила далеко за границы Уэльса. Жители Корнуолла и даже континентальной Бретани, родственные валлийцам по языку и культуре, также отдавали дань восхищения британскому герою. Бретонцы распространили легенду об Артуре, вывезенную с Британских островов, по всему европейскому континенту.

Самое подробное описание жизни и великих дел этого человека дает «История королей Британии» (1136) Джеффри (Гальфрида) Монмутского – первый бестселлер той эпохи. Этот автор обосновал роль Артура как победителя саксов. «История» начинается с основания Британского королевства Брутом, прямым потомком Энея, через которого британская старина оказывается связанной со славным прошлым Трои и Рима. В повествовании Джеффри о жизни и деяниях Артура, центрального героя всей книги, видную роль играет Мерлин. Артур изображается не только как победитель саксов, но и как покоритель многих европейских народов. В войне, которая началась после его отказа платить дань римлянам, Артур со своими союзниками победил врага в сражении и завоевал бы Рим, если бы не Модред, который предательски завладел его трон и королевой. Джеффри описывает гибель Артура в битве с Модредом и затем постепенный распад созданной им империи вплоть до окончательного ее разрушения в VII веке. В этом источнике больше всего фантастических сюжетов и персонажей, которые вдохновляли многочисленных средне-

вековых бардов. Не случайно «Историю королей Британии» англичане считали неким точным справочником и не понимали, почему это историки, жившие на континенте, не знали про их славного короля. Ведь он совершил «поход до самого Рима» и разгромил войска императора Луция, чтобы навсегда освободить Британию от угрозы вторжения извне и превратить свое царствование в золотой век мира и изобилия...

В 1155 году «История» была переведена в стихах на французский язык норманнским поэтом Васом, получив название «Роман о Бруте». Вас первым из авторов, которые нам известны, упомянул в своей поэме Круглый стол, сооруженный по распоряжению Артура для того, чтобы избежать споров о старшинстве. Он сообщает также о вере бретонцев в то, что Артур жив и находится на острове Авалон.

Первым английским поэтом, воспевшим Артура, был Лайамон, приходский священник в Арли-Риджисе (графство Вустершир). Его поэма «Брут», написанная в последнем десятилетии XII века или чуть позже, представляет собой расширенный пересказ поэмы Васа. Хотя поэма Лайамона сохранилась только в двух списках, в отличие от большого числа манускриптов, содержащих тексты Джеффри и Васа, ее существование доказывает, что Артур был воспринят в качестве героя даже потомками его врагов-саксов.

Стоит заметить, что псевдоисторическая традиция, основанная Джеффри Монмутским, не включает сюжетов о Тристане, Ланселоте и о Граале, которые стали повсеместно из-

вестны в Средние века благодаря французским романам. Во французских романах Артуровского круга (вторая половина XII в.) двор Артура изображается как отправная точка приключений разных героев, но сам Артур не играет в них центральной роли.

Однако авторитет легендарного короля был настолько велик, что его образ втягивал в артуровскую орбиту сюжеты самого разного происхождения. Одним из таких сюжетов, и наиболее ранним, оказалось печальное повествование о Тристане, имевшее хождение во Франции около 1160 года. Историческим прототипом Тристана был некий пиктский царь конца VIII века, легенды о котором, как и легенды об Артуре, хранил один из разгромленных кельтских народов. Некоторые версии легенды о Тристане выдвигают на первый план захватывающую фабулу – приключения, побеги, козни, однако во французском романе Томаса Британского (1155–1185) и в немецком шедевре его последователя Готфрида Страсбургского (около 1210) главное – разработка характеров и трагический конфликт между чувством и долгом.

Легенда о Тристане уже была известна, когда начал писать Кретьен де Труа, один из самых популярных авторов XII века. Почти все его крупные сочинения, созданные между 1160 и 1190 годами, основаны на артуровских сюжетах, ходивших в среде бретонцев. Кретьен редко придумывал что-то от себя, но его интерес к психологическим конфликтам, рожденным, в частности, непримиримостью велений любви

и рыцарского долга, обогатил содержание легенд. Последний роман Кретьена, «Персиваль, или Повесть о Граале», тема которого – воспитание героя в понятиях рыцарства, остался незаконченным. Явившийся ко двору короля Артура юный Персиваль (Парсифаль, Парцифаль) невежествен и по-детски неотзывчив на чужие страдания. Внешние атрибуты рыцарства он усваивает быстро и выказывает себя не по годам доблестным бойцом, но терпит неудачу там, где требуются рассудительность и сострадание. В замке увечного короля-рыбака Персиваль не спросил, кому предназначена пища в Граале, большом блюде, которое проносит по замковым покоем дева в таинственной процессии. Он промолчал, поскольку наставник предостерегал его от болтливости. Потом это молчание ставится ему в укор: задай он вопрос, и король-рыболов был бы исцелен. Несмотря на то что за этот промах Персивалю грозят ужасные кары, он, не ведая страха, отправляется в странствия – разыскивать Замок Грааля. В том месте, где текст Кретьена обрывается, бедного Персиваля преследуют всевозможные беды. Дальнейшая его судьба описывается в немецком «Парцифале» (1195–1210) Вольфрама фон Эшенбаха, частично основанном на произведении Кретьена.

В конце XII – начале XIII века были широко распространены различные версии легенды о поисках Грааля. В это время Грааль, изначально обладавший магическими свойствами, был вовлечен в сферу христианской традиции и пере-

осмыслен как чаша причастия (дароносица).

Для Артуровской литературы XIII века в целом характерны переход от стихотворных форм к прозе, дальнейшая христианизация легенд и тенденция к объединению текстов в цикл. Так называемая Артуровская Вульгата (Vulgate) состоит из пяти прозаических французских романов:

1. «История о Святом Граале», содержащая начальные сведения о Граале и его чудотворных свойствах;

2. «Мерлин» – расширенное переложение «Мерлина» Роберта де Борна с добавлениями из других источников;

3. «Прозаический Ланселот» – уснащенный различными подробностями рассказ о детстве Ланселота, о его воспитании у мудрой Владычицы Озера; о том, как он вырос не знающим себе равных рыцарем короля Артура, как любил Гиневру и сокрушался о своей греховной страсти, из-за которой ему не дано было достичь Святого Грааля, и как он зачал Галахада с дочерью увечного короля;

4. «Подвиг во имя Святого Грааля», где центральным персонажем является сын Ланселота Галахад, благодаря своему духовному совершенству превзошедший всех остальных рыцарей Круглого стола; и наконец

5. «Смерть Артура» – рассказ о распаде Братства Круглого стола, начавшемся с того, что Ланселот, несмотря на прежнее раскаяние, снова вернулся к своей греховной любви, и кончающийся предательством Модреда, гибелью Артура и уходом Гиневры и Ланселота от мира в затворничество

и покаяние.

Артуровский прозаический цикл XIII века оказал мощное воздействие на более поздние рыцарские романы во Франции, Италии, Испании, Нидерландах, Ирландии, Уэльсе и Англии. Его влияние особенно сказалось на самой знаменитой английской Артуровской книге – «Смерти Артура» Томаса Мэлори. Авторское название книги неизвестно: «Смертью Артура» назвал печатник Уильям Кэкстон выпущенный им в 1485 году том, который оставался единственным текстом Мэлори на протяжении столетий, пока в 1934-м не был обнаружен Винчестерский манускрипт. В целом Мэлори точно следует своим источникам – как английским, так и французским, но его роль не ограничивается переводом. Как и его предшественники, он переосмысливает Артуровские легенды в духе своего времени. Его версия выделяет богатырские черты эпоса, в то время как вкусам французов была ближе утонченная духовность.

В Англии Артуровские легенды остались жить и после Средних веков благодаря псевдоисторическому труду Джеффри Монмутского и первопечатному изданию Кэкстона, к началу XVIII века выпущенному пять раз. Романтическое возрождение оживило интерес не только к Мэлори, но и к другим артуровским текстам. В XIX веке наиболее значительные обработки сделали А. Теннисон и Р. Вагнер. «Королевские идиллии» Теннисона (1859–1885) вводят сюжеты Мэлори в рамки викторианской морали, показывая, как

греховность и легкомыслие рыцарей Круглого стола подрывают артуровские идеалы. Р. Вагнер в музыкальной драме «Тристан и Изольда» (1865) обращается к версии Готфрида Страсбургского и поднимает легенду до вершин трагедии, впрочем, окрашенной философией Шопенгауэра и Новалиса, где любовь и смерть – одно. «Парсифаль» Вагнера (1882) следует «Парцифалю» Вольфрама фон Эшенбаха, но также зиждется на философии XIX века. Эти переработки в сущности являются самостоятельными произведениями и принадлежат XIX веку, используя средневековый материал как антураж.

Насколько же вероятно, что цикл легенд о короле Артуре отражает какую-либо историческую реальность? И существовал ли этот человек вообще?

Этим вопросом задавались еще в XV веке. Уже упоминавшийся выше английский первопечатник Уильям Кэкстон в своем издании «Смерти Артура» в перечисленных свидетельствах существования короля указал на различные реликвии, в том числе на круглый стол, хранившийся в городке Винчестер, кусок воска с печатью Артура (он на ней именовался императором Британии, Галлии, Германии и Дакии) и даже меч сэра Ланселота – ближайшего друга Артура. Но оказалось, что все эти предметы были изготовлены позднее – для привлечения пилигримов. Знаменитый дубовый круглый стол диаметром шесть метров сделали в XIII веке, когда Генрих III и его наследники стремились возродить эпос об

Артуре.

Исследователи обратились и к географии Артуровских легенд. Оказалось, что многие упомянутые в них места сохранились. К примеру, на севере полуострова Корнуолл есть руины сложенного из сланцевых плит замка Тинтаджел, где якобы родился знаменитый король.

Много неразгаданных тайн хранит еще одно «артуровское место» – Гластонбери, что располагается на самом западе Великобритании. Раскинувшись на обширных равнинах Соммерсета, неподалеку от Бристольского канала, этот комплекс сейчас включает в себя город, аббатство и огромную вулканическую скалу с развалинами церкви, спускающуюся террасами вниз. Следует отметить, что люди жили здесь еще с незапамятных времен. Остатки поселений, открытых археологами, датируются эпохой римского вторжения на острова.

Аббатство Гластонбери – уникальный исторический объект для множества религий. Полагают, что на землях Гластонбери в течение долгого периода существовал храм друидских жрецов, поклонявшихся змеям. Затем их сменили римляне. Но наиболее значимый след оставили, несомненно, христиане. По легенде, Иосиф Аримафейский (человек, похоронивший тело Христа) переселился именно в Гластонбери и построил здесь первую в Великобритании церковь. На развалинах аббатства каждую Пасху расцветает терновник. В народе говорят, что когда Иосиф после своего прибытия

взошел на скалу, он во время молитвы опирался на посох. Как-то раз он оставил его там, и посох превратился в дерево. Дерево пустило корни, и с той поры гластонберийский терновник служит местной достопримечательностью. Наиболее чтимый в Ирландии святой – святой Патрик – также жил и умер здесь.

С более чем 150-метровой вершины скалы можно наблюдать местность на 70–80 километров вокруг. Вулканические террасы несут на себе следы обработки их людьми, и, возможно, они служили когда-то тропой для христианских паломников, шедших сюда на поклонение и молитву. Здесь был возведен величественный монастырь, названный в честь святого Михаила. Датой основания монастыря принято считать 705 год. Именно тогда король Айне издал указ о строительстве обители, а в X веке тут поселились бенедиктинцы. Те церковные руины, которые видят современные туристы, относятся к XIII столетию. Они остались от храма, разрушенного по приказу короля Генриха VIII во время его борьбы с католицизмом (XVI в.). По легенде, гластонберийская гора является местом, где некогда жил король Артур, а также – по совместительству – тайным входом в подземное царство повелителя эльфов. Считается, что в VI веке сюда проник святой Коллен, стремившийся покончить с демонизмом. Он совершил обряд экзорцизма, и от соприкосновения со святой водой эльфийский дворец с грохотом пропал, оставив подвижника одного на пустой вершине скалы.

Как место последнего упокоения короля Артура и его супруги Гластонбери приобрело известность с XII века. До настоящего времени подлинность этого факта подтверждают лишь предания. Так, например, Эскалибур – легендарный меч Артура, брошенный сэром Бедуиром по просьбе смертельно раненного в битве при Камлене короля в воду, мог быть утоплен в местном озере Помпарлес. К сожалению, этот некогда обширный водоем ныне осушен и проверить правдивость устной традиции уже невозможно.

Большое несчастье (принесшее, однако, и некоторую пользу) случилось в Гластонбери в 1184 году. Страшный пожар уничтожил тогда аббатство практически до основания, но во время реконструкции монахи занялись широкомасштабными поисками могилы Артура.

И в 1191 году настоящую сенсацию произвело заявление монахов, что могила короля Артура найдена! Тщательно простукивая каменные плиты пола, бенедиктинцы обнаружили на трехметровой глубине – ниже современной кладки – еще более старую, с имеющейся в ней полой камерой. Вскрыв пол, монахи пробились к легендарной усыпальнице. Два огромных гроба, пропитанных сохраняющими деревом смолами, предстали их изумленному взору! Было организовано пышное перезахоронение останков. И вскоре над новой могилой появился большой свинцовый крест с надписью: «Здесь, на острове Авалон, покоится под землей прославленный король Артур». В 1278 году останки монарха

были повторно захоронены в специальной гробнице из прекрасного черного мрамора.

Но исследователи заметили много подозрительных деталей этого «открытия». Первый вопрос, который их заинтересовал: как удалось опознать в скелете останки короля Артура? Монахи аргументировали: «По его благородному стану...» В архивах аббатства сохранился подробный отчет об осмотре тел усопших. Скелет мужчины поражал своим высоким ростом – 2 м 25 см. У него был поврежден череп, однако причину травмы установить не удалось, хотя это мог быть и след от ранения. На голове женщины прекрасно сохранились белокурые волосы. Но все это еще не является доказательством того, что это были Артур и его супруга.

Первые современные научные изыскания в Гластонбери начались в 1907 году. Историко-археологической экспедицией руководил английский ученый Фредерик Б. Бонд. Его сотрудники добились значительных успехов: они обнаружили остатки неизвестной часовни. Сверив ее географическое положение с общим планом аббатства, Бонд пришел к выводу, что она была построена согласно законам сакральной геометрии, используемой древними египтянами, а позже масонами. Однако маститый исследователь имел неосторожность публично заявить о том, что все указания по поиску древностей он получал с помощью медиумов, общаясь с душами усопших монахов. Разразился крупный скандал, и Бонда уволили.

Есть в легенде об Артуре еще одно загадочное географическое название, которое невозможно привязать ни к одному реальному месту на Земле, – легенда отправляет раненого короля на волшебный остров Авалон, путь к которому открывается немногим. На этом острове обитают эльфы и феи, там столь медленно течет время, что герои легенд и поселе, возможно, обитают в райском уголке, не ведая, что над планетой пронесли полторы тысячи лет. Насколько возможно существование призрачного Авалона? Кое-кто из мистиков Средневековья полагал, что Авалон исчез не в физическом, а в сакральном смысле этого слова. Подобно русскому Китежу, остров перешел в иное – магическое – измерение и скрылся от глаз людей.

Многие историки XIX века объясняли исчезновение Авалона куда более прозаически. Они считали, что причиной гибели острова было банальное наводнение. В подтверждение своей гипотезы ученые приводили подлинную историю, относящуюся к XI веку. В ней шла речь об очень невысоком острове в проливе Ла-Манш, защищенном дамбами и шлюзами. Однажды после каких-то торжеств пьяная стража забыла их закрыть, и ничем не сдерживаемая приливная вода ринулась в город. В волнах погибла вся местная знать (кроме короля, который спасся вплавь на коне), а сам остров покрыло море. Именно вышеописанный исторически достоверный случай и натолкнул исследователей на мысль о том, что Авалон могла постигнуть та же судьба.

Но могло быть и еще одно объяснение исчезновения Авалона. Он мог слиться с материком, соединенный с ним рукотворными насыпными сооружениями. Такое могло произойти, если остров располагался достаточно близко от берегов Британии.

Надо отметить, что не только европейские ученые интересовались историей острова Авалон. М. А. Орлов в книге «История сношений человека с дьяволом» (1904) указывает, что Авалон часто описывали древние поэты Франции. Так, в поэме о Вильгельме Курносом мы находим упоминание о том, что Авалон был чрезвычайно богат, так что другого такого богатого города никогда не было. Стены его были сложены из какого-то особого камня, двери в них были из слоновой кости, жилища щедро разукрашены изумрудами, топазами, гиацинтами и другими драгоценными камнями, а крыши на домах были золотые! В Авалоне процветала волшебная медицина. Здесь излечивали самые ужасные болезни и раны. В одном из тогдашних романов этот остров описывается как место, где все обитатели проводят время в вечном празднике, не ведая забот и горестей. Само слово «Авалон» сближали со словами древнебретонского языка «Inis Afalon», что значит «остров яблонь».

Различные мнения о таинственном острове высказывают и многие современные зарубежные исследователи. Но все это лишь гипотезы, которые не способны раскрыть тайну Авалона.

Впрочем, что уж говорить о местонахождении неуловимого острова, если до сих пор непонятно, где же находился гораздо более материальный Камелот! Большинство людей ассоциирует его с юго-западной Англией, областью, упоминающейся в преданиях о волшебниках, владычицах озер и рыцарях в сияющих доспехах. Эта версия легенды была популярна еще в Средневековье, особенно среди английских королей, поэтов и знати, считавших Камелот Артура и рыцарей Круглого стола идеальным королевским двором. В графстве Соммерсет в 1970-е годы археологи раскопали странный холм, который был воспринят как Камелот – столица, где жил король Артур. Вершина холма была обнесена прочной стеной из камня и деревянных балок по периметру. Это был зал, который, судя по всему, предназначался для общих трапез. Быть может, здесь и собирались рыцари Круглого стола?

Однако среди ученых все большей популярностью пользуется другая версия. Она гласит, что легенда зародилась к северу от англо-шотландской границы. Один из пропагандистов этой точки зрения – Хьюг Макартур, историк из Глазго. Он утверждает, что Гиневра, супруга Артура, могла быть представительницей пиктов, обитавших на севере Шотландии. Имеются и другие исторические свидетельства того, что Артур происходил из современной Шотландии, а не Корнуолла или откуда-нибудь еще. По словам Макартира, легенда основывается на личности Артура, предводителя вооружен-

ной группы, который в VI веке правил в Стратклайде, королевстве говорящих по-валлийски бриттов, протянувшемся от Лох-Ломонд в Шотландии до севера Уэльса. Столицей королевства был город Думбартон на западе центральной Шотландии. По словам исследователя, в этой области есть множество названий, которые могут быть связаны с Артуром. В самом Думбартоне находится Замок Артура, а к западу от Лох-Ломонд – гора Бен-Артур, на которой есть место, называемое Троном Артура. По словам Макартира, это только один из семи тронов Артура, которые он нашел в Шотландии. Всего здесь имеется около 50 мест, в названии которых упоминается Артур. И хотя речь не обязательно всегда идет о легендарном правителе, в большинстве случаев название, видимо, все-таки дано в честь него.

Макартур также полагает, что остров Авалон, на котором, согласно легенде, Артур получил свой меч Эскалибур и куда его принесли смертельно раненным, есть не что иное, как Лох-Ло-монд. Местные историки также считают, что основные битвы Артура, описанные валлийским монахом IX века Неннием, проходили поблизости. Исследователь утверждает, что легенда об Артуре стала мигрировать на юг в процессе христианизации Шотландии. Кроме того, сужение ареала использования валлийского языка, его локализация в Уэльсе и Корнуолле способствовали формированию представления о том, что знаменитый воин и правитель жил на юго-западе Англии.

И все же большинство ученых считает, что есть лишь косвенные доказательства существования короля Артура. Детально проанализировав фольклорные и другие источники, историки нарисовали некий собирательный образ вождя, который пользовался римским военным титулом и организовал успешное сопротивление иноземцам. Возможно, он присвоил себе императорский титул, когда сражения завершились. Но это всего лишь гипотетический портрет, ибо нет никаких свидетельств современников короля Артура. Не случайно скептики продолжают заявлять, что его выдумали коренные жители Британии как идеал прославленного героя, чьи подвиги жили в народном сознании.

И все же некоторые исследователи продолжают настаивать на историчности знаменитого образа. Как пишут англичане Питер Джеймс и Ник Горн, археологические раскопки указывают на резкий приток в Британию захватчиков около 450 года и его заметное замедление около 500 года. Видимо, кто-то удачно организовал сопротивление иноземцам. Вероятно, бывший военачальник римской армии. И почему бы не принять предания о подвигах короля Артура?

В качестве последнего веского аргумента в пользу его реальности выдвигают также факт популярности имени Артур: в конце V и начале VI столетия им было названо шесть или больше британских принцев. Скорее всего, это явление имело исток – король Артур жил в народной памяти...

В поисках Святого Грааля

*...Грааль до того тяжеловесен, что никому из
грешных человек не поднять его вовек.*

Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль

Легенды о Святом Граале продолжают волновать воображение уже не первого поколения любителей тайн. Неясная, загадочная реликвия, один из самых интересных и легендарных символов, несущий в себе неслыханную мощь. Исток легенды о Граале лежит, по всей видимости, в мифах древних кельтов. В их преданиях Святой Грааль – это каменный сосуд в виде чаши, сделанный из изумруда, который архангел Михаил выбил мечом из короны Люцифера (в некоторых легендах Грааль – это чаша, вырезанная из дерева). Эта драгоценная мистическая реликвия уцелела во время потопа. И в дальнейшем из этого сосуда на Тайной вечере пил Иисус и из него причащались его ученики. В Святой Грааль, по словам старых преданий, также была собрана кровь Спасителя, пролитая на Голгофе. После казни Иисуса Грааль таинственным образом исчез. Распространена легенда, что чашу Грааля и копье, которым были нанесены раны Христу, сохранил и привез в Британию Иосиф Аримафейский. До сих пор бытует мнение, что Грааль некоторое время находился у альбигойцев, но после взятия Монсегюра его там не обнаружили. Согласно еще одной версии, Грааль – некий священный

камень, связанный с тайной мистической жизнью Иисуса. Все последующие поиски пропавшей реликвии так и не увенчались успехом, но возникло немало легенд, повествующих о «приключениях» Святого Грааля. Слова «Святой Грааль» часто используются в переносном смысле как обозначение какой-либо заветной цели, часто недостижимой или труднодостижимой.

Принципиально отличаются от «вещественных» версий (чаша, камень) предположения о том, что Грааль – выражение неких мистических духовных идей. Чаша Грааля – это состояние души, соединения человека с Богом, то есть найти Грааль – значит достичь просветления.

Исследователей всегда интересовало происхождение легенды о Граале. Британские корни предания о чаше уходят в мифологию древних кельтов, но легенда о чаше была переосмыслена в христианском духе. Согласно легендам Иосиф Аримафейский, взяв чашу, из которой пил Спаситель в свой последний вечер, собрал в нее кровь Господа и с этой реликвией ходил по свету, проповедуя христианство. В своих странствиях Иосиф достиг Британии, где решил остановиться и основать монастырь, названный Гластонбери (по некоторым источникам, именно в этом монастыре и был спрятан Грааль, ставший впоследствии для людей воплощением Божией благодати). Основав монастырь, Иосиф создал монашеско-рыцарский орден, члены которого были первыми хранителями чаши, и они же, несмотря на отчаянное сопротив-

ление, оказанное ими в V–VI веках захватчикам Британии – саксам, вынуждены были перевезти святыню в Саррас (местонахождение неизвестно), откуда Грааль, по одной из версий, был «вознесен на небо», по другой – остался в Гластонбери.

Но старая церковь в Гластонбери, помнившая, возможно, рыцарей Круглого стола, сгорела в 1184 году, на ее месте была построена новая. А в традиционном веровании глубоко укоренилось мнение, что Грааль укрыт в подземельях аббатства. В этом варианте Грааль связан с преданиями о короле Артуре. Во времена правления легендарного короля Грааль был спрятан на дне древнего колодца где-то в глубине острова. Рыцари Круглого стола по приказу Мерлина отправились на поиски. В некоторых романах Артуровского цикла Грааль находят и доставляют в Камелот, но чаша не принесла счастья королевству. Видя это, король Артур забрал ее с собой на таинственный остров Авалон и таким образом отвел беды от земли бриттов. Сколько реликвия пробыла на Авалоне – неизвестно, однако в следующий раз следы ее отыскались лишь в XIII веке у еретиков из провансальского городка Альби. И отсюда начинается история Грааля катаров. По легенде, он был спрятан в подземельях Монсегюра вместе с другими сокровищами еретиков – альбигойцев: древними манускриптами, хранящими тайную мудрость, таинственными реликвиями. Но когда крепость – последний оплот катаров – пала, победители не нашли никаких следов Грааля.

Еще одна группа исследователей считает, что сказание о Граале связано с тайным оккультным обществом, основанным в незапамятные времена и обладающим сокровенным знанием, которое передается из поколения в поколение.

Среди этих совершенно разных теорий легенды Артуровского цикла выглядят наиболее привлекательно, однако нет ни одного факта, который мог бы подтвердить их. Ну, а гипотезу о тайном оккультном обществе разделяют в основном те, кто вообще склонен рассматривать все человечество как собрание тайных обществ. Языческие же корни легенды о Граале указывают на ее происхождение от очень древнего индоевропейского мифа о магической посуде – символе жизни и возрождения. Впоследствии эта легенда наполнилась новым смыслом, приобретя христианскую окраску. Эта чаша – символический источник жизни и бессмертия, изобилия и плодородия, «чудесный кормилец». Испивший из чаши Грааля получает прощение грехов. По желанию она в мгновение ока дает любые блюда и драгоценности, а тот, кто пьет из нее, излечивается от всех недугов; даже мертвые, стоит ей лишь коснуться их губ, пробуждаются к жизни.

Обладая способностью чудесно насыщать своих избранных неземными яствами, Грааль в западной традиции занимает то же место, что и восточная жертвенная чаша с ведической сомой, авестийской хаомой или греческой амброзией – пищей богов. У кельтов чаша, полная вина, пива или меда, которую юная девушка подносила вступающему на престол

королю, является символом верховной власти. Со временем это значение переносится на чашу Грааля, на поиски которой отправляются рыцари Круглого стола. Символика расположения Грааля в центре Круглого стола, вокруг которого сидят рыцари, весьма близка китайскому образу неба, которое имеет форму круга с отверстием посередине (аналог чаши или кубка). В египетском символизме имеются ассоциации между чашей жизни и сердцем как центром жизни. Иероглиф, обозначающий сердце, имел форму сосуда.

Поиски Грааля и в языческой, и в христианской традиции – это возвращение в рай, духовный центр человека и Вселенной; символ инициации, проверки через испытания и встречу со смертью в поисках скрытого смысла и тайны жизни. Поиски обычно предпринимаются «солнечным героем», не имеющим представления о своей истинной природе. Например, Парцифаль, воспитанный в лесном уединении, юноша, одаренный рыцарскими доблестями, или рыцарь-аскет, девственный Галахад, сын грешного, но величайшего из рыцарей – Ланселота.

Грааль играл весьма значимую роль в тайной символике средневековых алхимиков. Вдыхающий новую жизнь в Феникса и дающий вечную юность тем, кто ему служит, Грааль имеет отношение к символике философского камня. Он также выступает в качестве барки, ковчега, в который заключены семена циклического возобновления жизни, семена утраченных традиций. Чаша Святого Грааля, содержащая

кровь, основу жизни, отождествляется с сердцем, а следовательно, с центром. Грааль соединяет в себе два элемента: чаша или сияющий кубок с сердцем (треугольник, поставленный на вершину) олицетворяет женское, воспринимающее, водное начало, а копье или меч (треугольник, направленный вершиной вверх) – мужское, активное, огненное начало. Эти элементы объединены носителями жизни – кровью или священной жидкостью, стекающей в чашу. Жизнетворные, обновляющие силы, излучаемые солнечным сосудом, и силы уничтожения, являющиеся в образе кровотокающего копья, заключают в себе двойное таинство. Соединение противоположных начал играло важную роль в алхимической трансмутации – превращении.

В христианстве Грааль является неоднозначным символом. Надо упомянуть, что ни одно из преданий о Граале не признано официальной церковью. Ни один церковный летописец ни разу не обмолвился о Святой чаше, хотя во всех четырех евангелиях говорится о человеке по имени Иосиф, который выпросил у Понтия Пилата тело распятого Христа и, обернув его плащаницей, положил в гробницу, высеченную в скале. Грааль упоминается только в апокрифах. Но его образ весьма популярен в эзотерическом христианстве – Грааль символизирует святое Сердце Христа. Когда, по преданию, волшебный изумруд был отобран у Люцифера, после низвержения последнего в бездну, и из этого камня и был сделан Грааль, то подобно Деве Марии, искупившей грех Евы,

кровь Спасителя посредством Грааля искупила грех Люцифера. Таким образом, значение Грааля все больше связывается с муками Христа, с идеей добровольной жертвы и искупления. В христианской легенде Грааль был дан Адаму, но оставлен им в раю после грехопадения. Он до сих пор находится в центре рая, и его нужно снова найти, новый Искупитель обретет чашу и восстановит рай для человечества.

Образ Грааля, бесспорно, нельзя полностью сводить ни к церковному таинству, ни к кельтскому мифу. Для рыцарской культуры Средневековья важность Грааля как символа состояла в том, что он соединял дух рыцарских приключений, вольную игру фантазии, использующей осколки полузабытой мифологии, и христианскую мистику. Эта чаша является символом благородства, чистых помыслов, душевного здоровья и стремления возвыситься, ибо только те из ищущих, кто обладает абсолютной чистотой сердца, могут достичь успеха на своем пути. Всякий недостойный, приблизившийся к святыне, бывает наказан раной или недугом, однако может ожидать исцеления от той же святыни. Грааль – это тайна, которая открывается лишь самым достойным.

Легенды о Граале возникли в Средние века как составная часть легенд об Артуре, а в письменной литературе появились на территории Франции в XII веке. Искатели Грааля Персиваль, Гавейн, Ланселот, Боре, Галахад – все рыцари короля Артура, отправлявшиеся в свои мистические странствия из Артурова двора, однако на этом сходство между

их приключениями заканчивается. Хотя ни одна хроника не подтверждает, что кто-то из рыцарей нашел чашу и привез Артуру, но местонахождение Грааля молва настойчиво связывает с легендами о короле Артуре и с уже упоминавшимся аббатством Гластонбери в Англии.

Само название «Грааль» восходит к старофранцузскому редкому слову *grial*, обозначавшему большое блюдо, поднос. Именно такую форму имел священный сосуд, о котором идет речь в старейшем из имеющихся текстов о Граале. Самый первый вариант повести о Святом Граале – «Персиваль, или Повесть о Граале» – опубликовал известный поэт и трубадур Кретьен де Труа около 1180–1182 года. Там Грааль описан как большое выложенное драгоценными камнями блюдо, которое по залам замка проносит дева. Эта повесть осталась незаконченной. Кретьен де Труа утверждал, что его рассказ основан на данных, которые он нашел в книге, принадлежавшей графу Филиппу Фландрскому, но это утверждение нельзя ни доказать, ни оспорить. В то время вообще считалось, что автор не может ничего сочинить сам, и истинно лишь то, что содержится в старинных источниках. История, которая не была основана на старинном предании, не могла быть достойной внимания. Никого не смущало то обстоятельство, что истинность этих преданий проверить было невозможно. Поэтому Кретьен де Труа, как и многие после него, мог совершенно спокойно ссылаться на любой источник. Кроме того, в то время надо было крайне осторожно выбирать темы

для романов и поэм – языческие сюжеты могли навлечь на автора гнев церкви. Герой повести Кретьена де Труа, рыцарь Персиваль Уэльский, упоминает таинственный Замок Грааля и его волшебный кубок.

Образ Персиваля основан на древней валлийской саге о богатыре по имени Придер, и в рассказах о нем часто говорится о магическом кубке, который обладал свойствами, полностью совпадающими со свойствами, приписываемыми Граалю. Саги о Придере содержатся в сборнике древних валлийских устных преданий «Mabmogiön». Этот сборник переносит нас в фантастический мир кельтских мифов, содержащих в том числе и несколько рассказов о короле Артуре. Образы валлийского эпоса происходят от еще более древних кельтских героев. Король Лир, например, «родился» от Лера, одного из предводителей загадочного народа Туату де Даннан («племени богини Дану»). Этот народ, как рассказывает миф, прибыв откуда-то с севера, принес с собой на земли кельтов магические предметы – волшебный кубок, чудесное копье и непобедимый меч. В поздних легендах о короле Артуре эти предметы трансформировались в Святой Грааль, копье, которым ранили Христа, и меч Эскалибур.

О том, как Грааль попал в Британию, рассказал Роберт де Борн в поэме «Иосиф из Аримафеи», написанной около 1200 года. Как и Кретьен де Труа, де Борн ссылается на рассказ из старинной книги, где говорится о том, как Иисус призвал Иосифа и дал ему Грааль – чашу Тайной вечери. Вме-

сте со своей сестрой и ее мужем Броном Иосиф покинул Палестину и обосновался в некоей стране «далеко на Западе», где они проповедовали христианство. Таким образом, Робер де Борн недвусмысленно связывает Грааль с христианской традицией.

Кельтские, ирландские и валлийские сказания изобилуют сюжетами о волшебных питающих сосудах. Когда эта сложносоставная фольклорная традиция попала в XII веке во Францию, сочинители попытались в духе своего времени христианизировать ее мотивы. И поскольку Грааль, первоначально языческий сосуд, обладающий магическими свойствами, даровал человеку, согласно кельтским сказаниям, чудесное, мистическое блаженство, его естественно было связать с евхаристией, с христианскими таинствами. Грааль превратился в Святой Грааль (Saint Graal, Sangrail и пр.), а поскольку слово «грааль» было непонятное, темное, эта неясность давала свободу для переосмысления, и предмет, который им обозначался, стал пониматься как кубок, потир, чаша причастия.

Однако, как уже отмечалось, вопреки огромной популярности сказаний о Святом Граале, церковь никогда не признавала Грааль канонической христианской реликвией. За Граалем закрепилась сомнительная слава в лучшем случае апокрифического символа, а в худшем – сакрального символа организованного еретического движения в границах западного христианского мира. И здесь возникает новая парал-

лель: де Борн, опубликовав свою поэму, вольно или невольно раскрыл истоки легенды о Граале – гностическое «Евангелие от Никодима», где подробно изложен миф об Иосифе, чаше и копье. Значит, именно взгляды гностиков лежат в основе всех основных еретических течений на территории средневековой Европы.

Приблизительно в те годы, когда де Борн писал свою поэму, Вольфрам фон Эшенбах, знаменитый немецкий поэт того времени, создал «Парцифалья» – собственную версию незавершенной Кретъеном де Труа поэмы о Граале. Как и прочие, Вольфрам говорил, что воспользовался «старинными источниками», и ссылаясь на «одного провансальского трубадура, который написал свою повесть на арабском языке, живя в испанском городе Толедо» (совершенно запутанная история). В своей поэме Вольфрам утверждал, что Грааль хранил рыцарский орден *Templaisen* – в этом искаженном немецком названии легко угадывается знаменитый орден тамплиеров...

Наиболее сложная версия христианизированной легенды о Граале содержится в романе «Подвиг во имя Святого Грааля», где описывается, как Спаситель сходит с небес и участвует в евхаристии, совершающейся в Замке Грааля. Версию легенды о Граале, содержащуюся в этом романе, включил в свою книгу «Смерть Артура» Т. Мэлори. От Мэлори ее перенял А. Теннисон и использовал в «Королевских идиллиях», избрав своим мистическим героем Галахада.

Другой знаменитой интерпретацией граалевского мотива в XIX веке является «Парсифаль» Р. Вагнера, где композитор усилил религиозный смысл своего источника, «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха. В наше время самая значительная обработка граалевского сюжета – «Бесплодная земля» Т. С. Элиота, где средневековая тема используется для изображения бесплодности цивилизации XX века. Опера Вагнера и поэма Элиота способствовали возрождению интереса к средневековой легенде.

Стоит также отметить, что некоторые исследователи считают, что первичное ядро легенды о Граале имеет не кельтское, а восточное происхождение и что в конечном итоге именно на Востоке следует искать ее корни. Полагают, что в мавританскую культуру Испании (а из нее в христианскую) эта легенда пришла из Аравии или даже из Персии, другие считают родиной этой легенды Индию. И потому в ряде эпических песен, как, например, у Вольфрама фон Эшенбаха, Грааль возвращается из греховной Европы назад в Индию. В поэме Эшенбаха чисто христианские элементы отодвинуты на второй план и прослеживается терпимость, даже любовь, к людям Востока – как, впрочем, и в других произведениях. Сам фон Эшенбах признается, что при написании своего труда он использовал утерянную поэму провансальца Кюота, источником которой послужила не чисто христианская легенда, но арабское повествование о Граале, найденное в Толедо (Испания) и написанное «язычником» Флегетаном

«из рода Соломона». Флегетан же «был известен как большой знаток звезд, астролог, и в звездах прочел он тайну Грааля». Познакомившись с его трудом, Киот пытался разыскать по латинским книгам, где может находиться «племя чистых сердцем, призванное служить Граалю». Он ознакомился с хрониками различных европейских стран и в городе Анжу обнаружил рассказ о предках Парцифалья, уводящий на восток, но поскольку первоисточник утрачен, то дальнейшие детали теряются во тьме веков.

Постепенно легенды о Граале перестали занимать внимание посвященной публики, уйдя в область народных преданий. Но тень реликвии незримо осеняла многие события средневековой Европы. Чешские табориты шли в бой под знаменем с изображением «калики» – священной чаши, в которой легко угадывается Грааль. И знание гностиков не умерло с разгромом катаров и тамплиеров – оно продолжало жить в среде многочисленных тайных орденов и организаций, которыми изобилует история XII–XIX веков.

Оно оказалось востребовано в начале XX века, когда оккультное «Общество Туле», возникшее в Германии в 1918 году, начало разработку оккультно-мистической базы национал-социализма. А вместе с учением гностиков оказался востребованным и Святой Грааль... Первоначально поиски Грааля возглавил некий Отто Ран – один из разработчиков нордической теории. В начале 30-х годов XX столетия он посетил развалины Монсегюра, но, насколько можно судить,

серьезных поисков не вел, а по результатам поездки выпустил книгу «Крестовый поход против Грааля», где именует Грааль «чашей нибелунгов». А в 1937 году, после своей второй поездки в Лангедок, Ран неожиданно исчез. О его судьбе до сих пор ничего не известно. В июне 1943 года в Монсегюр из Германии прибыла большая экспедиция, которая вела работы в пещерах до весны 1944 года. И хотя она ничего не нашла, система подземных укрытий и ходов, проложенных катарами в скальном грунте под Монсегюром, по мнению археологов, позволяет надеяться на то, что Грааль может находиться там. Впрочем, недоступных тайников в средневековой Европе было очень много...

Таинственное восточное королевство Иоанна Пресвитера

В Средние века большую популярность приобрели легенды о могущественном христианском государстве на Востоке, полном всех благ мира и христианской гармонии, во главе которого стоял не менее легендарный правитель – царь-священник пресвитер Иоанн (английский *Prester John*, в русской литературе – поп Иван). Он вел свое родословие от евангельских волхвов, первыми пришедших поклониться Христу. Впрочем, пресвитер Иоанн признавался потомком как волхвов, так и святого Фомы, предположительно основавшего раннюю, а значит, подлинную христианскую Церковь в Индии. Имелись даже определенные письменные свидетельства, подтверждающие факт существования «идеальной страны». Но существовал ли этот загадочный правитель в реальности и где находилось его удивительное царство, если таковое, конечно, было на самом деле? Историки склоняются к мысли, что легенда о загадочном восточном царстве и самом пресвитере Иоанне – не более чем попытка выдать желаемое за действительное: «если такого государства не было, то его необходимо было придумать», так как в нем консолидировались чаяния и устремления средневекового человека.

Легенда о пресвитере Иоанне – полумифическом христианском правителе, жившем где-то в Индии, который играл

одновременно роль короля и патриарха, распространилась с середины XII века от берегов реки Хуанхэ до Атлантики среди китайцев, турок, монголов, персов, арабов, индийцев, армян и всех европейских народов, участвовавших в крестовых походах. Период формирования легенды занимает около 400 лет. В русскую древнюю литературу легенда проникла под именем «Сказания об Индийском царстве». Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона утверждает, что основанием слуха послужил имевший место успех несторианского христианства среди племен Средней Азии, о котором писал Абуль-Фарадж. Легендарный же элемент сказания о царстве, полном всех благ мира, и о царе – священнике, идущем на защиту христиан от неверных, созданся благодаря угнетению восточных христиан турками и сарацинами.

Первое известие о пресвитере Иоанне появляется в летописи Оттона Фрейзингского (от 1145 года). Эта летопись повествует о событиях, происходивших вплоть до 1156 года. Согласно ей, в 1145 году епископ Хью из города Гебаль (ныне Джубайль в Ливане) посетил Папу Римского и рассказал ему о некоем короле и священнике по имени Иоанн, который жил в далекой стране на Востоке и происходил от одного из библейских волхвов – мудрецов, пришедших поклониться младенцу Иисусу в Вифлееме. И сам король, и все его подданные были христианами. За несколько лет до этого, одержав победу над мидянами и персами, он намеревался освободить Иерусалим от неверных, но не смог форсировать

реку Тигр.

Из летописи Оттона Фрейзингского свидетельство о существовании царя-священника переходит в другие хроники. Общеизвестная версия легенды основана на двух упоминаниях о посещении Патриархом Индии, Константинополя и Рима во времена папы Каликста II (1119–1124). Трудно подтвердить или опровергнуть достоверность этих сведений, поскольку оба свидетельства были «из вторых рук», «словами со слов».

Также все ссылаются на письмо пресвитера Иоанна (подлинность которого, правда, подвергается сомнению), предположительно написанное императору Византии Эммануилу I Комнину (1143–1180).

Это письмо, появившееся около 1165 года и подробно описывавшее чудеса и богатства, поражало воображение европейцев и распространялось в еще более приукрашенной форме несколько столетий, а после изобретения книгопечатания – и в печатном виде, будучи актуальным элементом народной культуры в эпоху Географических открытий. В письме пресвитер Иоанн сообщал, что его королевство простирается от развалин Вавилона до Индии и даже за ее пределы. В его стране, пользующейся почетом и уважением у королей 72 стран, водятся слоны, верблюды, рогатые люди, кентавры, сатиры, великаны и легендарная птица феникс. А в самом центре владений пресвитера Иоанна находится фонтан вечной юности: тому, кто трижды попьет из него, никогда не

будет больше 30 лет. Своим королевством Иоанн управляет с помощью волшебного зеркала, в котором видно все, что происходит даже в самых отдаленных уголках его обширных владений. Армия короля насчитывает 10 000 всадников и 100 000 пехотинцев, впереди идут 14 носильщиков, они несут золотые кресты, искусно инкрустированные прекрасными драгоценными камнями.

Письмо пресвитера Иоанна имело активное хождение при светских и церковных дворах средневековой Европы, несмотря на то что это, скорее всего, была фальшивка. Подкупала история о том, что армии пресвитера дошли чуть ли не до Месопотамии, но нуждаются в поддержке Запада. В Европе времени крестовых походов это порождало надежду на то, что стоит христианам чуть поднажать, и мир ислама, взятый в клещи, не устоит.

Письмо пресвитера Иоанна, быстро распространявшееся в Европе, было переведено на несколько языков, включая иврит. До сегодняшнего дня сохранилось несколько сотен копий письма. Современный контент-анализ варианта письма на иврите позволяет сделать предположение, что автор письма был выходцем из среды евреев северной Италии или Лангедока. Во всяком случае, авторство, по всей видимости, принадлежит европейцу, однако цели его поступка не вполне ясны.

Реальной подоплекой фальшивки было, скорее всего, существование многочисленных несторианских общин, осуж-

денных на Вселенском соборе в Эфесе в 431 году и рассеянных по всему Востоку (от Багдада до Монголии и Китая). Склонность к богословским спорам вообще отличала восточно-православный мир – Византию, так же как любовь к юридическим тонкостям являлась особенностью западного мира с самого его рождения.

Несторианство было течением в раннем христианстве. Его основателем и патриархом стал Несторий Константинопольский (428–431), утверждавший, что Иисус Христос, будучи рожден человеком, лишь впоследствии воспринял божественную природу. Суть учения состоит в том, что Христос понимается как особая человеческая личность, в которой стал обитать Логос Божий. С точки зрения православия, которое видит в Христе сам Логос, это означает, что единый Христос разделяется на два разных – один из них – Логос, а другой – человек, сын Марии.

Несторий были низложен на III Вселенском соборе в Эфесе после того, как отказался именовать Деву Марию Богородицей. Согласно Несторию, Деву Марию можно было бы именовать Христородицей, потому что она родила Христа, но не Богородицей, так как Бог не был рожден. По учению же александрийского епископа св. Кирилла (главного оппонента Нестория), «единая природа Бога Слова воплощенная» включает в себя не только индивидуальное человечество Иисуса, но и всю полноту «обожествленного» человечества – всех спасенных и спасаемых, то есть всю Церковь.

После осуждения несториане перенесли свою деятельность в Азию (в отличие от основного потока христианства, развернувшего свою работу в Европе). Особенного успеха несторианство достигло у кочевников. Так, например, кераитский хан Тогрул (Ван-хан), побратим отца Чингисхана Есугея, был (вместе со своим народом) несторианином. Могущественное ханство найманов (Западная Монголия и Восточный Казахстан) также исповедовало несторианство. Несторианами являлись уйгуры в Восточном Туркестане (современный Западный Китай). Представители течения занимали определенные позиции и в государстве каракитаев («черных киданей» – также монгольского племени) в Средней Азии и Восточном Туркестане. Их гурхан Елюй Даши разгромил в XII веке н. э. Сан-джая – султана великих Сельджукидов.

По мнению Льва Гумилева, написавшего замечательную книгу «В поисках вымышленного царства» (царства пресвитера Иоанна!), посвященную несторианам и образованию Монгольской империи, эта победа и явилась поводом для смутных представлений в Европе о существовании христианского государства в глубинах Азии. Однако в XIII веке восточные несториане стали жертвами жестокой внутривосточной политической борьбы в Монгольской империи.

Поскольку слухи о чудесном королевстве пресвитера Иоанна стали распространяться как раз в эпоху крестовых походов, то неудивительно, что папа Александр III стал ис-

каться с ним союза. Во время Второго крестового похода многие рыцари верили, что пресвитер Иоанн придет им на помощь и поможет вновь отвоевать Палестину у мусульман. Доверие к упомянутым сообщениям было столь велико, что папа Александр III 27 сентября 1177 года даже направил письмо пресвитеру Иоанну через своего эмиссара Филиппа (бывшего его личным врачом по совместительству). Посланник уехал, его долго ждали, но он так и не вернулся. Больше о Филиппе никто не слышал. Что ж, миссия эта была едва ли выполнима, поскольку никто не знал, где находится загадочное королевство.

Идея о царе-первосвященнике на Востоке не могла также не прельстить и императора Фридриха Барбароссу и его окружение. Царь-священник не нуждается в папе, и, таким образом, светская и духовная власть сосредоточивались в одних руках. Отличный прецедент для борющегося с Папой императора. После взятия Милана в одном из его соборов нашли якобы мощи трех царей-волхвов, пришедших с Востока и связанных с царством пресвитера. Они были с триумфом перезахоронены в Кельне – священном городе германских королей. Вскоре в города Аахене, где находилась гробница Карла Великого, была совершена церемония беатификации (причисления к лику святых) этого франкского императора. Но Фридриху Барбароссе необходим был ныне живущий царь-первосвященник. А тут императору удалось закончить многолетнюю войну с гвельфами на приемлемых

условиях. Заключение мира ускорил и проект Третьего крестового похода (1189–1192). В походе участвовали также английский король Ричард Львиное Сердце и французский король Филипп II. Барбаросса надеялся, что, разгромив с помощью мощной армии курдского правителя Египта Саладдина (Салах-ад-дина), отнявшего у Запада Иерусалим, он сможет продвинуться дальше на восток и встретить пресвитера Иоанна, который поможет германскому императору сломить всех врагов и стать единоличным главой западного мира. Однако «Господь посрамляет высокоумие мудрецов». Барбаросса погиб, находясь в гостях у своего союзника князя Льва, правителя Киликийской Армении (юг Малой Азии). Согласно общепринятой версии, немолодой император утонул, купаясь в горной речке.

Однако вера людей в существование неподвластного возрасту правителя и его чудесного царства осталась непоколебимой. С падением владений крестоносцев в Палестине слухи о пресвитере Иоанне утихают, но они возрождаются с появлением авангарда армии Чингисхана в Персии и Армении. Когда монголы в XIII веке вторглись в Палестину, христиане, населявшие остатки государств крестоносцев, верили, что Чингисхан был пресвитером Иоанном, пришедшим спасти их от мусульман. Иногда пресвитером Иоанном считали Торгул-Хана, несторианского правителя, побежденного Чингисханом. Монгольского хана Хулагу также считали то пресвитером Иоанном, то сыном его Давидом, а монголов –

христианами.

Справедливости ради стоит отметить, что к этому времени в Средней Азии уже была богатая история христианства. Католические миссионеры, ездившие ко двору Чингисхана в Каракорум, а также позднейшие путешественники в течение долгого времени разыскивали в Азии пресвитера Иоанна. Плано-Карпини отводит ему место в Индии; Рубрук считает его государем разбитых Чингисханом каракиданей, смешивая Чингисхана с Ван-ханом кераитским. Марко Поло находит потомков первого пресвитера Иоанна в лице монгольских князьков, несториан, кочевавших в стране Тянь-дэ, или Тендух, в Орд осе. Монте-Корвино и Одорик Фриульский вторят мнению Марко Поло.

Но поиски заветного царства оказались безуспешными, и потому в 1487 году португальский король Иоанн II командировал Педро да Ковильяна (Петра Ковиллания) и Альфонса Паиву в новую экспедицию. Она прибыла в Абиссинию, где большинство населения исповедовало ориентальное православие монофизитского толка, и признала местного царя пресвитером Иоанном (очевидно, из-за нетипичного для региона христианского вероисповедания).

Вопрос о личности пресвитера Иоанна остается открытым и по сей день. Различные историки придерживаются самых разнообразных точек зрения. Разброс мнений впечатляет.

Гербело считает его Ван-ханом, вождем кераитов, Жербильтон – одним из тибетских царей, Лакроз – Далай-ламой,

Фишер – несторианским католикосом, Густав Оперт и Царике отождествили его с Елюй-даши, вождем Си-ляо, Брун – с грузином Иване, жившим при Димитрии I, из династии Багратидов.

Л. Н. Гумилев в одной из работ («Поиски вымышленного царства. Легенда о “государстве пресвитера Иоанна”») подробно анализирует всю имеющуюся информацию и отрицает реальность пресвитера Иоанна. Он доказывает, что легенда о царстве пресвитера Иоанна была выдумана рыцарскими орденами Иерусалимского королевства с целью направить Второй крестовый поход в Месопотамию (легенда о сильном союзнике должна была внушить мысль о легкости предстоящего похода).

Итак, если исторические хроники не смогли сообщить нам никаких подробностей об этой личности, то, может быть, какой-то ключ к пониманию мы сможем найти в средневековой поэзии, где также упоминается имя пресвитера Иоанна? Ведь поэт иногда бывает настоящим провидцем, и потому в поэтических образах и символах нередко заключена некая доля истины.

Пресвитер Иоанн упоминается в легендах о Граале и рыцаре Парцифале. По многим деталям видно, что между главой Братства Грааля, которого поэты именуют также владыкой мира, и главой таинственного христианского государства на Востоке существует сходство.

В поэме Вольфрама фон Эшенбаха о Парцифале имя пре-

свитера Иоанна упоминается лишь однажды, да и то в самом конце поэмы. Там сказано, что пресвитер Иоанн – сын Фейрефица, сводного брата Парцифалья; что он, будучи священником, является и царем Индии, и что все цари Индии, наследующие трон после него, принимают это имя. Таким образом, правители этой сказочной индийской страны наследуют имя Иоанн из поколения в поколение.

Такую же разгадку тому факту, что все цари таинственного индийского государства носят имя Иоанн, дает известная легенда Иоанна Хильдесхаймского о трех царях, которую с интересом рассматривает и Гете в статьях «Три святых царя», «Добавление» и «И еще раз три святых царя» (1802).

Может быть, Вольфрам фон Эшенбах рассказал бы более подробно о пресвитере Иоанне в своем «Титуреле», но этот труд остался незавершенным. Его работу впоследствии использовал и дополнил другой немецкий поэт – Альбрехт фон Шарфенберг (XIII в.), который свою поэму «Новый Титурель» посвящает царю Иоанну и роли Грааля в Индии. В сороковой главе поэмы, где автор очень подробно изображает царство Иоанна, он, несомненно, использовал ранее упомянутое легендарное письмо пресвитера Иоанна византийскому императору, местами воспроизводя его буквально. Насколько популярно было указанное письмо, настолько же прославленным и распространенным сочинением был в свое время и «Новый Титурель», дошедший до наших дней во многих вариантах. Хотя в повествовании о пресвитере

Иоанне в «Новом Титуреле» много сказочного, тем не менее оно представляет весьма значительный интерес и содержит немало таких подробностей в описании загадочного Братства Грааля, которые нашли отражение и в других источниках.

В Средние века очень популярным было описание путешествия Иоганна Мондевиля (1356), где изображено царство могущественного священнослужителя Иоанна далеко на Востоке, вблизи рая. А Иоганн Гесе в фантастическом «Итинерариусе» (около 1489) власть царя-священника Иоанна распространяет «до самых крайних пределов земли», включая в его царство и земной рай, который находится на вершине огромной горы Эдем, настолько крутой, что взойти на нее невозможно. По вечерам, когда солнце заходит за гору, видна очень прозрачная (ледник?) и красивая стена рая. В этой стране находится и чудесный остров (блаженных?), называемый «*Radix paradysi*» (корень рая), где три дня пролетают, как три часа. Так воображение поэта стремится слить воедино различные представления о стране обетованной, крае всемирной гармонии.

Сказание о пресвитере Иоанне оставило неизгладимый след и в русском сознании. Интерес к таинственному Востоку всегда был присущ русскому народу, постоянно соприкасавшемуся с племенами и народами Азии. Но наиболее ярко этот Восток олицетворяла для него «богатая» Индия, страна чудес, откуда с паломниками и купцами приходили на Русь

самые фантастические сведения и легенды.

Первым путешественником в Индию называют тверского купца Афанасия Никитина (XV в.), но, конечно, немало было отважных странников-дальнепроходцев и до него, о которых история умалчивает. Из самой Индии, этого неведомого края, в 1533 году впервые в Москву прибывает посол Великого Могола Бабура и вручает послание правителя Индии, в котором тот предлагает великому князю России дружбу и братство!

С тех пор взаимные контакты обеих стран становятся все более частыми. Поэтому понятно, что и легенда о восточном царе Иоанне в конце концов в русском сознании тесно сплелась с представлениями об Индии и превратилась в своеобразное «Сказание об Индийском царстве», легенду, которая с XV века была очень распространена в русской литературе и оказала влияние даже на народные традиции. Эта легенда сохранилась в 47 списках, которые часто весьма разнятся в своих деталях.

Русское сознание превратило пресвитера Иоанна в православного царя, который повсюду охраняет и поддерживает христиан; он «над всеми царями царь», и ему принадлежит все пространство, все земли; и только там, где «небо сходится с землей», там границы его государства. В пределах его страны, по-видимому, находится и земной рай. Вблизи рая раскинулось песчаное море, с высокими пустынными и необозримыми горами. По одной версии, царь Иоанн живет

на острове вместе с браминами, мудрыми, благородными и высоконравственными людьми, смиренными, милосердными, все понимающими. В царстве индийского царя Иоанна из русского «Сказания...» нет ни воров, ни завистников, ни лжецов. Над этой страной, полной материальных и духовных богатств, «Бог руку свою держит». Среди величайших чудес здесь магическое «зерцало праведное»: кто глядит в него, видит все когда-либо содеянные им злые и добрые дела, и не только собственные грехи, но и все то, что любой человек совершает в доме своем, а также дружеские или враждебные действия других стран против русского народа. Во дворце хранится чудесный камень кармакаул, «господин всем камением драгим, в нощи же светит, аки огонь горит», освещая тьму, а днем он как чистое золото (камень Грааля!). А в замке, который выстроен из драгоценных камней мудростью Соломона, друга Иоанна, сияет камень, который виден далеко в море, он ярче огня, как звезда. Там находится также «негниющее» Древо жизни. Помазанный его миром человек больше не старится, и глаза его никогда не болят. Или: если в золотой зал вносят больного, он тотчас выздоравливает – глухой обретает слух, к нему возвращается дар речи.

Помимо уже названных, в европейских библиотеках существует немало других источников, имеющих прямое или косвенное отношение к личности легендарного пресвитера Иоанна. Но все эти труды, как и сотни рукописей писем царя Иоанна и папы Александра III и др., сохранившихся в пы-

ли архивов до наших дней, несомненно представляют собой лишь небольшую часть той литературы на эту тему, которая существовала в Средние века, но впоследствии по той или иной причине погибла.

Вряд ли их можно считать неоспоримыми доказательствами реальности этой страны – воплощенной мечты человечества о рае, но что-то все-таки не дает окончательно объявить тему закрытой.

Папесса Иоанна, или Шерше ля фам в Ватикане

– Теперь мне все ясно, – сказал отец Браун, – теперь я понял, как разворачивалась эта история с начала до конца.

*«Злой рок семьи Дарнуэй». Из сборника
«Недоверчивость отца Брауна». Г. К. Честертон.*

После смерти Папы Римского Иоанна Павла II высказывались различные предположения о том, кто же станет его преемником. Представители радикальных кругов даже выдвигали революционные идеи о том, чтобы избрать следующим Папой Римским женщину. «Римско-католическая церковь давно нуждается в нежной женской руке», – заявляли самые радикальные. Не стоило бы, конечно, обращать внимание на это эпатажное заявление, если бы не один исторический курьез.

Предание гласит, что после смерти папы Льва IV в 855 году папский трон два года, пять месяцев и четыре дня занимала женщина, вошедшая в историю как «папесса Иоанна» (Джованна, Жанна, Анна или Агнесса Ланглуа). Конечно, трудно представить на престоле Ватикана женщину. Католическая церковь того периода видела в женщине начало всех бед, причину первородного греха, ведь она толкнула Адама к грехопадению. И вдруг... женщина на Святейшем

престоле!

Итак, приступим к обсуждению легенды о дочери Евы, ставшей «отцом отцов». Об этой почти мифической идеальной женщине (потому что все идеалы тянутся в сторону мифа) – женщине красивой, смелой, умной, не боящейся любить. Выяснен ли на сегодня вопрос о том, насколько правдоподобен этот образ? Некоторые исследователи пишут о ней как о вымышленной личности, вошедшей в историю благодаря романтической легенде, другие называют ее авантюристкой, а третьи посвящают ей свои литературные творения: стихи, прозу, пьесы, киносценарии. Женщина-священник – вечная мечта не только феминисток. Поэтому и гуляют по свету легенды о женщинах, посмевших состязаться с мужчинами в служении Богу. Обычно их ждал не самый счастливый конец, хотя бывали и исключения. Например, стоит вспомнить библейскую пророчицу Девору, мать восьмерых сыновей, которая была Судьей Израиля целых двадцать лет. (Правда, она была избрана совершенно легитимно и не пыталась выдать себя за мужчину.) И на ответственном посту не впутывалась в сомнительные связи, которые, по большому счету, запрещены в принципе – независимо от пола.

Легенда о папессе Иоанне, согласно некоторым исследованиям, восходит к концу X века, но многие историки считают, что Иоанна взошла на папский престол двумя с половиной веками раньше, после смерти папы Льва II. Это событие пришлось на времена кризиса и беспорядков в римской

епархии, подданные которой избирали папу. Царила коррупция, разногласия между знатными римскими семьями, в чьих руках была сконцентрирована власть, привели к определенным сложностям с избранием нового понтифика. По одной из многочисленных версий, дошедших до наших дней, коронация женщины стала возможна, помимо всего прочего, как раз из-за слабости знатных римских семей, которые не смогли утвердить своего кандидата. Хотя некоторые историки считают, что предание о папессе возникло как проявление антиклерикальных настроений в обществе. Есть предположение, что источник фабулы рассказа об Иоанне коренится в критической сатире, написанной позже и направленной против влиятельной сенаторши Марозии, жившей в Риме в X веке.

Итак, действительно ли представительница прекрасного пола занимала престол Святого Петра? Миф это или реальность, но история с Иоанной стала очень популярной.

В различных литературных, кинематографических, исторических и околоисторических источниках пересказывается эта история. Несмотря на энергичные протесты одних ученых, существование папессы Иоанны подтверждается другими. В качестве аргументов «за», в частности, приводится то, что, как известно, именно она руководила работами по строительству высоких каменных стен, которые до сих пор окружают Ватикан. Еще один аргумент в пользу гипотезы – так называемый «след Бенедикта III». В самом первом извест-

ном списке пап почему-то не значилось имя этого понтифика как преемника Льва IV, его вписали позднее. Причем летописцам почти ничего не было известно о нем. Они лишь упоминали о Бенедикте как о человеке с привлекательной внешностью, не любившем показываться на людях, а еще – по одной из версий о его кончине в 858 году и о том, что его почему-то похоронили за пределами собора Святого Петра. Возможно, это и была папесса Иоанна. А возможно, это одна из шуточек Госпожи Истории или господ историков.

Зато вы не найдете ни в одном издании Римско-католической церкви упоминаний о легендарной папессе. Не ищите это имя в биографических справочниках и официальных списках пап и даже «антипап», в большом количестве выпущенных к 2000-летию христианства. Краткий эпизод краткого присутствия дамы на троне Святого Петра остается одним из самых тщательно хранимых секретов Ватикана.

Так о чем же рассказывает легенда? По одним источникам, Иоанна была молодой девушкой родом с Востока, возможно из Константинополя. Единственное, что несомненно, – она была любознательна и умна, хотела учиться, что в ту эпоху для женщины было не так-то просто – учебные заведения находились под эгидой церкви, а церковь была заинтересована в обучении мальчиков, которые в будущем могли стать священниками, а никак не девочек. Женщин на учебу не принимали. Согласно другой легенде, ее отцом был миссионер, с которым она постоянно разъезжала. Возможно,

именно тогда он и понял, что мальчик – помощник и продолжатель его религиозной миссии – намного лучше, чем девочка. И Иоанна начала переодеваться в мужское платье. После смерти отца, по-прежнему понимая все преимущества мужского костюма, она больше с ним никогда не расставалась. Иоанна получила хорошее образование в области теологии и философии. Поэтому, приехав в Рим после долгих странствований, она выдала себя за монаха. Иоанна поразила своей эрудицией церковных мужей, и они – вероятно, после смерти Льва IV – помогли ей взойти на папский престол. Официально ее называли Иоанном VIII.

Другие знатоки ватиканских мифов и интриг утверждают, что под именем папессы Иоанны скрывалась прекрасная особа благородных кровей и весьма высокого ума, родившаяся в Англии. Согласно легенде, получив начальное образование, она захотела продолжить учиться дальше, что было доступно во времена Средневековья только мужчинам, и опять ее выручило мужское платье. Именно в этом одеянии она попала в мужской монастырь, где сразу же стала выделяться среди общей массы полуграмотных монахов своей покладистостью и обширными познаниями. Предполагают, что здесь, в монастыре, она и познакомилась со своим будущим спутником по дальнейшим путешествиям, монахом из Фульды, влюбилась в него, рассказала правду о себе и стала его любовницей. Из Англии Иоанна и ее спутник перебрались в Германию, где и получили в лице немецкого города

Майнца хорошее образование.

По другой версии, влюбленные покидают монастырь, чтобы отправиться в Афины для продолжения учебы в духовно-теологической школе. Они путешествовали по Европе, посещали самые известные богословские и философские школы. Честолюбивый монах мечтал, набравшись знаний, поехать в Рим и стать кардиналом, а если судьбе будет угодно, то и самим папой. Но во время скитаний по Европе юноша заболел и умер от лихорадки, а его спутница, оставаясь в мужском обличье, поклялась на могиле друга осуществить его дерзкую мечту и отправилась в Рим, по-прежнему в мужском платье. Как уже упоминалось, это был единственный способ получить образование.

Итак, мужской костюм снова ее выручил. А может быть, у нее уже просто не было выбора. Ее никто и нигде не ждал. А монашеское одеяние, так удачно маскировавшее все особенности женской фигуры, открывало ей двери в многочисленные монастыри, где можно было переждать плохие времена и согреться, получить еду и питье. Здесь никто особо никем не интересовался, тем более что через несколько дней Иоанна уходила, чтобы найти приют в следующем монастыре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.